

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

І Ю Л Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по намечашаніи, до выпуска изъ Типографіи, предспавлены были въ Цензурный Комитетъ : одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Минисперства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюля 15 дня 1820 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ Ив.
Тилковскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стран.

I.	ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.	
	Долженъ ли бытъ позволяемъ привозъ всѣхъ иностранныхъ поваровъ, или только нѣкопрыхъ, и какихъ болѣе? .	1.
II.	ПРАВЫ.	
	Удивительный человекъ (<i>Продолженіе</i>).	19.
III.	ЛИТТЕРАТУРА.	
	А) ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.	
	Превращенность Судьбы. (<i>Италіянская повѣсть</i>)	33.
	Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.	
	Спранникъ	47.
	Въ альбомы: N. N.	49.
	А. Л.	50.
	Орель и змѣя (<i>Басня</i>)	51.
	<i>Романсъ</i>	52.
	Буря	53.
	Два совѣща	54.
	Къ спашуѢ Ніобы. (<i>Изъ Антологіи</i>)	55.
	<i>Эпиграмма</i>	—
IV.	ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.	
	О новѣйшей музыкѣ (<i>Продолженіе</i>) .	56.
V.	КРИТИКА.	
	Замѣчанія на Поэму: Русланъ и Люд- мила, въ шести пѣсняхъ, соч. А. Пуш- кина. 1820.	67.

VI. СМѢСЬ.

а) Нѣчто объ Адамѣ Смитѣ и его швореніяхъ	81.
б) Музыка	87.
в) Живопись	89.
г) О древнихъ Флорентинскихъ художникахъ	90.
д) Объ иностранныхъ театрахъ	92.
е) Новый Берлинскій театръ	95.
ж) Опрывокъ изъ новѣйшихъ путешествій	96.
з) Разныя извѣстія	98.
VII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ	101.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

I. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХО- ЗЯЙСТВО.

Долженъ ли быть позволяемъ привозъ
всѣхъ иностранныхъ товаровъ, или
только нѣкоторыхъ и какихъ больше?

Государства образуются, возрастаютъ
и возвышаются постепенно. Умножить ихъ
благосостояніе, увеличить силу и народное
богатство — вотъ предметъ, на который
обращали свое вниманіе какъ древніе, такъ
и новые Полипики. Они старались опредѣ-
лить средства, которыми каждая страна
должна руководствоваться въ употребле-
ніи производящихъ силъ общества, и мно-
горазличіе предложенныхъ ими способовъ
произвело и различныя системы Государ-
ственного Хозяйства. Система, основанная

на торговль, Экономическая и Теорія Адама Смита болѣе другихъ пріобрѣли себѣ уваженія, особливо первая, которая увлекла за собою многіе кабинеты Европейскихъ Государствъ. Они всѣ почти приняли одну и ту же систему съ тѣмъ намѣреніемъ, что лучшее и удобнѣйшее средство обогатиться состоятъ въ томъ, чтобы произведеніями своей промышленности удовлетворять потребности другихъ Государствъ, и чрезъ то привлечь къ себѣ, сколько можно, болѣе иностранную звонкую монету. Многія внутреннія ихъ постановленія и торговые договоры соображены съ симъ главнымъ началомъ. Послѣдствуя сему, они, для удержанія звонкой монеты и улучшенія фабрикъ, усpreмались или къ совершенному запрещенію, или затрудненію чрезъ высокія пошлины привоза иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ, благопріятствуя съ одной стороны только покупкѣ въ другихъ Государствахъ необработанныхъ матеріаловъ, а съ другой вывозу собственныхъ издѣлій. Всякое ли Государство и въ какомъ состояніи можетъ слѣдовать такимъ правиламъ? Какое они имѣютъ вліяніе на ум-

ноженіе его богатства? Не должно ли при семъ сообразоваться со степенью его промышленности, положеніемъ, народонаселеніемъ, климатомъ, съ его образованностію и политикою другихъ Государствъ? И наконецъ, какіе суть случаи, при которыхъ должны бытъ дозволены привозъ иностранныхъ товаровъ, а при иныхъ запрещены? Вотъ предметы, которые будутъ составлять слѣдующее разсужденіе.

Государства обогащаются или умноженіемъ количества произведеній, или чрезъ возвышеніе ихъ цѣны. Первый способъ имѣеть своимъ основаніемъ *трудъ*, который производитъ и *экономію*, которая образуетъ капиталы. Въ разсужденіи же увеличенія цѣны Государство не иначе обогащается, какъ чрезъ иностранную торговлю. Ибо если произведеніе останется во внутреннемъ обращеніи, то различныя обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ рыночная цѣна, не прибавляютъ въ обществѣ ни богатства, ни бѣдности. Какъ она есть только скорпроходящее отношеніе между достоинствами двухъ товаровъ, опредѣляемое количествомъ обращающихся въ обществѣ де-

негъ; то и слѣдуетъ, что одно произведе-
 ніе не можешь въ цѣнѣ своей возвыситься,
 между тѣмъ какъ другое соразмѣрно неу-
 пась. Почему хотя, при увеличеніи цѣны
 какого-либо товара, богатство частныхъ
 лицъ умножился; но сумма всего выигрыша
 цѣлаго народа оспавается шаже. Общество
 въ семъ отношеніи можно сравнить съ се-
 мействомъ: мѣна, уступки, сдѣланныя въ о-
 номъ другъ другу, могутъ перемѣнить со-
 стояніе его членовъ, но въ цѣломъ не про-
 изведуть никакой перемѣны.

И такъ *трудъ, экономія и иностран-
 ная торговля* суть единственные средст-
 ва умноженія народнаго богатства. Они дол-
 жны направляться сообразно съ натураль-
 нымъ ходомъ промышленности, то есть на
 такіе предметы, отъ которыхъ по состо-
 янію общества можно надѣяться получить
 болѣе выгодъ. Такъ обыкновенно трудъ пре-
 жде всего употребляется на земледѣліе,
 гдѣ сама Природа много участвуетъ въ
 произведеніи, которое удовлетворяетъ пер-
 вымъ нуждамъ. Съ обработываніемъ земли
 рождаются и всѣ тѣ искусства, которыя
 служатъ для одежды народа и его защище-

вія. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается народонаселеніе, происходятъ города, которые образуются избыткомъ произведеній опъ продовольствій сель и деревень. Бѣдность сихъ всегда будетъ препятствіемъ къ умноженію благосостоянія городовъ, въ копорыхъ только могутъ удобно существовать фабрики: ибо ремесленникъ всегда имѣетъ нужду въ другомъ ремесленникѣ, и безъ соединенія великаго количества матеріаловъ въ одномъ мѣстѣ, искусства не могутъ усовершенствоваться. Но когда большая часть полей обрабатывается, и въ деревняхъ будетъ процвѣтать довольство и обиліе: то, по уменьшеніи источника доходовъ опъ земли и опъ простыхъ ремеслъ, капиталы обыкновенно обращаются къ мануфактурамъ. Безъ сомнѣнія, прежде всего заведутся экономическія фабрики, то есть такія, копорыхъ первые матеріалы находятся въ той странѣ и съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы удовлетворить внутреннимъ издержкамъ: ибо они всегда доставляютъ болѣе выгоды. Наконецъ, по истощеніи доходовъ опъ сихъ, при богатствѣ капиталовъ, родятся и такія мануфактуры, копорыя имѣють цѣлю

обработываніе чужестранныхъ произведеній — для внутренняго употребленія, и своихъ — для внѣшней торговли.

Таковъ натуральный ходъ промышленности! Онъ имѣеть своимъ основаніемъ пользу. Препятствовать оному — значить нарушать порядокъ, установленный постепеннымъ возвышеніемъ Государства; ибо какъ не возможно, чтобы звѣроловы перешли вдругъ въ состояніе земледѣльцовъ, такъ равнымъ образомъ не возможно, чтобы народъ-земледѣльцы завели вдругъ мануфактуры всякаго рода. Между тѣмъ послѣдовали коммерческой системы полагающъ надежнымъ средствомъ къ обогащенію общества, чтобы чрезъ награжденія и пени вынудить у себя произведенія такихъ мануфактуръ, которыя гораздо дешевле могли бы быть вымѣнены на общественныя произведенія у иностранцевъ. И въ семъ намѣреніи, думая ускорить ходъ промышленности, улучшить искусства и привлечь къ себѣ великое количество звонкой монеты, многія Государства запрещаютъ привозъ всѣхъ иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ. Вошь ихъ правило: „Должно, сколько возможно, рабо-

шасть для другихъ народовъ; а сіи для насъ ничего не должны дѣлать. Они всегда обязаны давать деньги за наши работы; а мы имъ ничего не должны платить.“ Напротивъ того Полиэтики-Экономисты, увлекаясь космополитическою свободою, не позволяють уже никакихъ предѣловъ привозу иностранныхъ товаровъ. Такое положеніе приняло и Адамомъ Смитомъ. Первые лишаютъ Государство великихъ выгодъ, водворяютъ монополію; а другіе дѣлаютъ часто невозможнымъ, чтобы домашнія мануфактуры выдерживали совмѣстничество иностранныхъ, и отнимаятъ у Правительсва важную часть доходовъ, а чрезъ то всѣ налоги должны бы были упасъ прямо большею частью на однихъ только обработывателей земли. И потому прежде, нежели я приступаю къ изложенію случаевъ, при которыхъ долженъ быть позволенъ и запрещаемъ привозъ иностранныхъ товаровъ, за нужное считаю рассмотретьъ причины, на которыхъ основываются мнѣнія обѣихъ системъ.

Мануфактуристы препятствіемъ къ при-

возу иностранныхъ товаровъ во первыхъ полагають то, что съ умножающеюся каждой годъ роскошью, количество привозимыхъ иностранныхъ товаровъ до того увеличится, что вывозъ общественныхъ произведеній недоспапочень будешь покрыть привозъ оныхъ; опъ чего въ торговомъ балансѣ произойдетъ недоспапокъ, курсъ упадетъ, изъ Государства выдутъ большія суммы денегъ, и оно обѣднѣетъ.,

Не было еще ни одного Государства, о близкомъ паденіи котораго не предвѣщали бы мнимые Полипики, между тѣмъ какъ оно возвышалось въ своемъ могуществѣ и богатствѣ. Подобно тому нельзя предполагать, чтобъ съ дозволеніемъ привоза иностранныхъ товаровъ, чужестранцы ввезли въ какую-либо страну болѣе оныхъ, нежели сколько ихъ тамъ надобно. Торговые народы очень расчепливы; Голландцы на островахъ Южнаго Океана, производящихъ пряныя коренья, сжигаютъ все излишнее количество оныхъ сверхъ той пропорціи, которую они надѣются съ великимъ барышемъ сбыть въ Европѣ. Торговля существуетъ оборошамъ — самое богатшее купцевъ основывается на

обширности оныхъ, хотя опъ сего часто случается и подрывъ. Но знаніе обстоятельствъ и расчепливость доставляющъ выгоды; и Государства рѣдко покупающъ сверхъ преобанія, развъ съ шѣмъ намѣреніемъ, чптобъ перепродашъ съ большею выгодою. Такъ Россія беретъ каждой годъ известное количество иностранныхъ поваровъ у Европейцевъ, которое превосходитъ ея преобаніе; но она сей излишекъ съ великою прибылью продаетъ Азіатскимъ народамъ. Впрочемъ еслибъ иностранцы и наводнили какую-либо страну своими произведеніями, тогдабъ привезенные повары упали въ цѣнѣ своей. Предположимъ даже, что вообще балансъ торговли одной какой-либо страны съ другою не выгоденъ, и курсъ, кошорой основывается болѣе на добротѣ и вѣсѣ монеты, относительно ея сдѣлался ниже (*); но оной, по мнѣнію новѣйшихъ Писателей о Политической Экономіи, ничего другаго не показываетъ, какъ

(*) Заграничная война и роскошь — вопъ главныя причины возвышенія курса и цѣны серебра и золота.

только соспояніе долга и кредита между двумя мѣстами: а изъ того не всегда слѣдуетъ, чшобъ и перевѣсъ торговли былъ на сторонѣ того Государства, которое въ томъ имѣеть предъ другимъ преимуществво (*). Оно не всегда зависить единственнo отъ сдѣлокъ и торговли только двухъ Государствъ, а часшо имѣють на оное вліяніе и производства одного изъ нихъ со многими другими. Такъ очень не рѣдко случается, чшо Англичане за покупаемые ими въ Россіи товары платяють векселями на Голландію; отъ чего и обыкновенное состояніе долга и кредита между Россією и Англією не можетъ зависѣть только отъ ихъ между собою сдѣлокъ, и слѣдственно не лзя узнать, какое Государство болѣе выигрываетъ. Оно теряетъ часшо въ векселяхъ, но выигрываетъ въ покупкѣ произведеній и напрошивъ. И пошому вообще можно сказать, чшо посредствомъ торговаго баланса не возможно опредѣлить вы-

(*) Кредитъ весьма много значить и для Государства и въ самомъ частномъ бышю. Богатой человекъ всегда имѣетъ болѣе кредита.

годъ внѣшней и внутренней торговли: ибо годовое умноженіе или уменьшеніе денегъ, обращающихся въ обществѣ, не есть истинная мѣра, по которой располагается умноженіе или уменьшеніе такъ называемаго народнаго капитала, состоящаго изъ всѣхъ имѣній Общества. Разсуждая о балансѣ внѣшней торговли, часно забываютъ выгоды внутренней. Тотъ купецъ въ Россіи, который имѣетъ въ магазинѣ своемъ на сто двадцать тысячъ Англійскаго сукна, богатѣе того, который имѣетъ сто тысячъ наличными деньгами, или на такую же сумму пеньки, за которую можно вымѣнить оное сукно. Такъ разсуждаютъ Полюшки. Но кажется, что звонкая монета, сей всеобщій знакъ цѣны, по состоянію Государствъ Европы, которыхъ кредитъ зыблется, составляетъ болѣе существенное богатство, нежели вещи. Одними ими, безъ денегъ, невозможно производить большихъ оборотовъ, и недостатокъ ихъ всегда составляетъ продавать товары въ полцѣны. Впрочемъ пусть балансъ внѣшней торговли будетъ не въ пользу какой-либо Державы, и за шѣмъ можетъ иногда прирастившее внутреннее ея

богатство. Пусть Россія будетъ выписывать въ долгъ всё необходимыя для усовершенія земледѣлія и ремѣлъ машины; она во много разъ получитъ отъ этого болѣе выгоды. Сверхъ этого предположимъ, что какое-либо Государство имѣетъ противъ себя невыгодной балансъ торговли; но у котораго довольно еще остается способъ, чтобы удовлетворять своимъ издержкамъ и доставлять себѣ нужные иностранные товары: въ сихъ обстоятельствахъ едва ли бы какія постановленія со стороны Правительства могли возпрепятствовать, чтобы граждане не распочали денегъ, хотя бы извѣстны были невыгоды мѣны: крестьянинъ, обрабатывающій цѣлое лѣпо при десятины земли, за наймомъ оной, поѣвомъ и проч., едва ли получитъ чистаго выигрыша и шридцать рублей, между тѣмъ какъ двухдневная работа какой-либо Француженки одной модной шляпки доставляетъ болѣе . . . Желѣзо, хлѣбъ, пенька, сало—вошь товары, за которые часто получающія вина, апельсины, помада, духи и проч.

При всемъ этомъ нельзя не согласиться, что богатство общества, основанное на

однихъ дорогихъ мешаллахъ, всегда будетъ шолько мечшашельное. Извѣстно, какъ много имѣла ихъ Испанія по завоеваніи Америки; но сіе Государство съ самаго того времени начало клониться къ упадку; золото Мексики и Перу не сдѣлало его ни болѣе сильнымъ, ни цвѣпущимъ. Да что оно произвело и въ цѣлѣй Европѣ? Ничего болѣе какъ, съ самаго привезенія изъ Америки дорогихъ мешалловъ и пущенія ихъ въ оборотъ, цѣны на всѣ шовары возвысились вдругъ почти вдвое (*). Нѣтъ сомнѣнія, что звонкая монета имѣетъ существенное достоинство, особливо когда она принимается какъ шоваръ, для произведенія котораго пошребно много производящихъ силъ. Но какъ главное достоинство оной монеты состоитъ въ рѣдкости и прочности шѣхъ мешалловъ, изъ коихъ она дѣлается; по сіе ихъ достоинство есть относительное. Цѣ-

(*) Количество золота и серебра, полученное изъ Американскихъ рудниковъ по 1803 году, по мнѣнію Господина Гумбольдта, простирается до 7,794,160,000, изъ котораго въ Европу привезено 7,405,200,000. См: *Essai sur la Nouvelle Espagne*, Том. III. Ch. XI.

на ихъ зависить только ошь употребленія, и въ обществѣ никогда не нужно болѣе денегъ, какъ сколько пошребно для скорого обращенія вещей, находящихся въ торговлѣ. И если ввозимое количество золота и серебра превосходитъ дѣйствительное шребованіе какой страны; то въ семь случаѣ никакія строгія мѣры Правительства не будутъ въ состояніи воспрепятствовать вывозу оныхъ. При всѣхъ жестокихъ на сей предметъ законахъ въ Испаніи и Португалліи, оба оныя Государства не могутъ удержатъ у себя дорогихъ металловъ. Безиреспаннный подвозъ оныхъ изъ Перу и Бразиліи превышаетъ шребованіе ихъ, а чрезъ то и цѣна оныхъ тамъ ниже, нежели въ сосѣдственныхъ Государствахъ, куда они тайно и провозятся. Не смотря на всю строгость Англійскихъ таможенныхъ законовъ, Государство сіе не могло удержатъ ввозъ чая Голландской и Гошенбургской Остъ-Индской Компаніи; ибо оный обходился нѣсколько дешевле привозимаго Англійскою Остъ-Индскою Компаніею. Но фунтъ чаю занимаетъ мѣста въ двѣ тысячи разъ болѣе цѣны его золотомъ, и слѣдственно во

столько же разъ не столь способень бы
 былъ для шайнаго провоза. Всѣ товары,
 шакъ какъ и золото, спараются продавашь
 шамъ, гдѣ будетъ по выгоднѣе. Великое же
 количество денегъ производить дороговиз-
 ну шѣхъ вещей, кошорыя на оныя вымѣ-
 ниваются. И древняя Исторія представ-
 ляешь шому многіе примѣры. Цѣна на вещи
 не только увеличивается тогда, какъ ум-
 ножается число денегъ, но и когда отно-
 сительная цѣна ихъ полагается большею,
 нежели какая была прежде. Такъ цѣна на
 товары поднялась вдругъ въ Римѣ во вре-
 мя второй Пунической войны, когда Рим-
 ляне, будучи не въ состояніи заплашить
 долговъ своихъ, передѣляли монету, и изъ
 асса серебра, которой состоялъ изъ двѣнад-
 цати унцій мѣди и былъ вѣсомъ въ двѣ,
 передѣляли оной ассъ шакъ, что онъ вѣ-
 сить только одну унцію; а чшобъ и граж-
 дане могли плашить шакъже свои долги
 другъ другу, то Римское Правительство
 повелѣло динарію, состоявшему до шого
 только изъ десяти ассовъ, состоять изъ
 шестнадцати. Сія двойная переѣна сдѣла-
 ла то, что заимодавцы Республики пернули

только половину, а частные люди одну пядью часть (ибо получали 16 унций мѣди за 20). И такъ когда обращающаяся монета увеличилась отъ того пядью частью, то во сколько же тогда умножилась и цѣна на товары; и въ продолженіи времени, чѣмъ болѣе Римъ пріобрѣпалъ денегъ, тѣмъ болѣе она возвышалась цѣна на вещи. Содержаніе мѣди къ серебру во время первой Пунической войны было въ немъ какъ 960 къ 1; а по завоеваніи Испаніи сдѣлалось какъ 128 къ 1. По пренесеніи же изъ Азіи богатствъ, цѣна на имущества въ Римѣ еще болѣе возвысилась; такъ домъ, копорый былъ купленъ матерью Гракховъ за 75,000, купленъ Лукулломъ за 2,500,000 ливровъ. И потому если съ открытія Америки золото и серебро умножилось въ Европѣ въ такомъ содержаніи, какъ одинъ къ двадцати, то цѣна на товары должна возвыситься во сколько же; а если количество произведеній съ того времени увеличилось въ содержаніи, какъ одинъ къ чешыремъ, то надобно, чтобы и цѣна на всѣ товары упала въ той же пропорціи; — слѣдственно при сихъ обстоятельствахъ она будетъ

какъ одинъ къ пяти. Между шѣмъ пущенное въ оборотъ великое количество ассигнацій и облигацій различныхъ Банковъ весьма много понизило цѣну дорогихъ металловъ: но съ шѣмъ вмѣстѣ число знаковъ, представляющихъ цѣну, чрезвычайно увеличилось, и опъ того происшекаетъ споль великая дороговизна на товары во всѣхъ почти Европейскихъ Государствахъ — а главная сею причина *роскошь*. Она особливо вредна Государству земледѣльческому, гдѣ всѣ работы дороги. Каменьщикъ, плотникъ у насъ выработываютъ часно до четырехъ рублей въ день между шѣмъ какъ земледѣлецъ только съ небольшимъ необходимое содержаніе. Лучше другихъ Губерній крестьяне живутъ въ Ярославской. Опъ чего же? Тамъ всѣ помѣщики имѣютъ ихъ на оброкъ и они пользуясь свободою, занимающа различными промыслами, а большая часть изъ нихъ не бывающъ дома и находяща въ большихъ и поршovýchъ городахъ, гдѣ содержатъ поспоялые дома, шракширы и пр. Если бы капиталы обратились къ мануфактурамъ, то опъ сего бы можно было ожидать очень много выгодъ. Конечно не должно

спѣснять направленіе производящихъ силъ. Но одна только умножающаяся промышленность можетъ возстановить равновѣсіе — произвести дешевизну работъ и товаровъ. Впрочемъ какъ иносранный торгъ всегда привлекаетъ въ обращеніе новые капиталы, новыя произведенія, то не должно слишкомъ опасаться, чтобъ какое-либо общество съ дозволеніемъ привоза иносранныхъ товаровъ пришло въ бѣдность. Съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ болѣе денежныхъ оборотовъ, болѣе вещей въ торговлѣ, и слѣдственно богатство общества можетъ возрастать.

(Продолженіе въ средѣ.)

И. Н Р А В Ы.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Продолженіе.)

Г Л А В А III.

Солнце заходило — помѣщикъ подъѣзжалъ къ деревнѣ. Вдругъ видящъ вдали пыльное облако — ближе . . . раздаются выстрѣлы, и супруга безъ памяти бросается къ вѣрному сердцу своего милого друга. Выстрѣлы усиливаются — самъ Удивительный человекъ не знаетъ, что подумаетъ, и мановеніемъ десной повелѣваетъ кучеру остано­виться. — Въ минушу коляска окружена всѣми слѣдовавшими въ 23 повозкахъ, и Удивительный человекъ въ безмолвіи указываетъ имъ на село, откуда несло пыльное облако за выстрѣлами; — спутники его съ должнымъ почтеніемъ доносятъ ему, что облако есть депу­тація отъ жителей села, а ружейные выстрѣлы изъясляютъ торжественную

встрѣчу... Это чрезмѣрно понравилось Удивительному челоѣку: онъ хотѣлъ что-то сказать, но студентъ предупредилъ его, и начался разговоръ. — „Не угодно ли выдти вашему Высокородію, — а для чего бы государь мой? — „добрые крестьяне, подданные ваши, движимые усердіемъ и преисполненные уваженіемъ — идутъ въ спрешеніе вашему Высокородію.“ Очень хорошо—это мнѣ нравится. Стойте всѣ около моей коляски.

Пыльное облако разсѣялось, и всѣ крестьяне и крестьянки села, съ хлѣбомъ и солью являющіяся взорамъ его Высокородія. Впереди идешь старикъ въ зеленой курткѣ и ведешь за руку мальчика лѣтъ двенадцати въ полосатомъ затрапезномъ халатѣ. Едва достигли они до коляски его Высокородія, раздается общій крикъ: „съ прїездомъ поздравляемъ, бапюшка нашъ кормилецъ Гаврила Пепровичъ! и мапушка наша Анна Семеновна!“—Старосша подносятъ хлѣбъ и соль; спаросшиха лица, а мальчикъ въ затрапезномъ халатѣ, размахнувъ руками, начинаешь громкимъ голосомъ — рѣчь:

Высокородный господинъ!

„Когда усердіе и благоговѣнное изъявление преданной покорности, съ симъ хлѣбомъ, солью и яицами являющіяся лучезарному лику швоему, да позволено будешъ дерзнуть излить предъ шобою, Высокородный господинъ, чувствованіе глубоко-шропного сердца моего. Мы срѣшаемъ тебѣя, яко опроцы благочестивіи; срѣшаемъ яко, благодѣтельнаго благошворителя своего; срѣшаемъ, яко древле срѣшали Христолюбивыхъ воиновъ съ брани возвращавшихся съ честію многою! срѣшаемъ“
 Дай ему гривну! сказала Удивительный человекъ, оборотясь къ студенту; спупай мальчикъ съ Богомъ!

Крестьяне не могли насмотрѣться на своего барина и шѣснились около коляски; но Удивительный человекъ закричалъ кучеру: „*пошелъ!*—и коляска шронулась, за нею прочіе экипажи, за ними крестьяне. Если выѣздъ изъ Москвы стоилъ шого, чшобъ его описывать, шо выѣздъ въ село Таланпово еще болѣе заслуживаетъ. Вообразите двадцать шри экипажа: колясокъ, карешъ, бричекъ, линеекъ, дрожекъ, кибипокъ,—во-

бразите разнообразныя пестрыя группы спутниковъ Удивительнаго человѣка; вообразите двести человѣкъ креспьянъ въ праздничныхъ кафланахъ, столько же женщинъ, столько же мальчиковъ и дѣвочекъ; вообразите довольную физиогномію Удивительнаго человѣка: — небесное спокойствіе на лицѣ его супруги — вообразите все это въ густой алеѣ, кошорая ведетъ къ господскому дому, — вообразите все это и признайтесь — — что я не умѣю этого описывать — — —

Солнце склонялось къ Западу — Удивительный человѣкъ доѣхалъ до крыльца Вышедъ изъ коляски, взявъ подъ руки свою Аннушку — и торжественно входитъ въ бель-эшажъ

Человѣкъ въ зеленой курпкѣ былъ прикащикъ; онъ предшествоуетъ, и растворяя двери, говоритъ: „вошь офиціанская, ваше Высокородіе! вошь зала, ваше Высокородіе! вошь гостиная! вошь диванная, ваше Высокородіе! вошь спальная, ваше Высокородіе! и такъ далѣе и такъ далѣе а его Высокородіе при каждомъ словѣ прикащика, оборачивается къ

милой своей супругѣ, и говоришь: вошь офиціанская, душенька! вошь зала, душенька! Душенька молчишь—и слушаетъ

Когда Удивительный человекъ обошелъ всѣ комнашы душенька ушла въ свой будуарь гдѣ дожидали ее всѣ 15 дѣвушекъ, актрисы, пѣвицы, танцовщицы, горничныя и фрейлины; а Удивительный человекъ, въ сопровожденіи всей деревни, пошелъ осматривать село Прикащикъ долженъ былъ рассказать ему до малѣйшей подробности, гдѣ рѣка, гдѣ луга, гдѣ прудъ, гдѣ садъ Всѣ удивлялись глубокимъ познаніямъ своего помѣщика Наступилъ вечеръ — и смотрѣ прекрапился. Время ужинашь, и ложисься спать; Удивительный человекъ много ходилъ, проголодался и уснулъ опъ дороги ему нуженъ покой, —

Г л а в а IV.

Безсонница! за чѣмъ она посѣшила въ эту ночь Удивительнаго человекъ . . . — Напрасно ворочался онъ съ боку на бокъ, на мягкомъ пуховикѣ своемъ — сонъ бѣжалъ опъ него, и оспался въ коляскѣ. Удивитель-

ный человекъ любилъ порядокъ и ему чрезвычайно не нравилось, что время въ которое онъ привыкъ спать, проходитъ у него въ бодрствованіи. Но помочь нечѣмъ! а за Докторомъ послать ему не хотѣлось Онъ страшно боялся микстуры! . . . и такъ ворочаясь со стороны на сторону, онъ началъ думать примѣшьте! . . . думать! добрый знакъ! . . . Вошь что дѣлаешь деревенскій воздухъ! . . . Онъ началъ думать— о планѣ счастливой жизни Ему хотѣлось завести и то, и то; — но недовѣряясь собственному разуму, . . . (что очень похвально)! онъ рѣшился посоветываться съ студентомъ. Студентъ давно уже спалъ;—но что за важность разбудить студента? . . . Удивительный человекъ звонитъ въ колокольчикъ—разъ—другой—препій—начинаешь кричать,—начинаешь браниться — никто ему не отвѣчаетъ! . . . Дѣлать нечего; оспалось одно средство: или лежать—спокойно или самому встать, и будить людей—Удивительный человекъ рѣшился—было на первое; .. но оно такъ скучно показалось ему, что онъ вскочилъ съ постели, набросилъ на плеча одѣя-

ло; и безъ шуфлей, съ лампадою въ рукѣ выходитъ изъ своей спальни. Хозяинъ вездѣ можешь ходишь; . . . Удивительный человекъ эшо зналъ; и не опасался забрестъ въ чужое мѣсто.—Проходишь залу, никого, проходишь переднюю, никого, возвращаешься въ залу, и идешь въ госпиную, никого, . . . идешь въ диванную—никого и онъ блуждаешь въ своемъ одѣялѣ и съ лампадою—какъ

Какъ жаль что древнихъ я нечипывалъ

А съ новыми не ладно что-то все

Удивительный человекъ — приближается къ дверямъ спальни—они запершы; толкаешь ихъ—чувствуешь сопротивление, удвоиваешь ударъ—дверь распахнулась—и онъ падаетъ на стулья, кошорыми засшавлена была дверь стулья загремѣли, лампада пошухаетъ, масло изъ нее обливаетъ горничную дѣвку; дѣвка кричишь, супруга Удивительнаго человекъ пробуждаешься, вскакиваешь съ постели, Они барахтаются кричатъ, и не понимаютъ другъ друга Удивительный человекъ забылъ, за чѣмъ шелъ, и кричишь ошъ ушибу колѣна; дѣвка воображаетъ, что пришелъ воръ; Анна Семеновна въ исперикѣ—въ безпамятствѣ, ры-

даешь Къ всеобщему ужасу слышенъ сплукъ во всѣхъ комнашахъ, крики — и вдругъ горничныя со свѣчами въ рукахъ являющяся передъ спрадальцами лакеи, акшеры, пѣвцы — всѣ бѣгутъ и съ почтеніемъ разсмаширивающъ изъ-за дверей каршину лежащихъ — Дѣвка вспаешъ первая; — Удивительный челоѡкъ поднимаетъ голову — видитъ зришелей, въ удивленіи разѡваетъ рошъ и безмолвспвуешъ. Супруга его съ помощію служанокъ переносишся на постель — Молчаніе — Удивительный челоѡкъ поднимаетъ на ноги — движеніемъ руки приказываетъ удалишся любопынымъ, и по прежнему заверпываетъ въ свое одѡло „Такъ эшо ты, мой другъ?“ говоришъ ему Анна Семеновна. — Я, — чего ты испугалась? „Но ты ушиблась“ „Ничего мой другъ, — Понимаю! — а потому и „возвращаюшъ въ свою комнашу мой „другъ? Чшо? — зачѡмъ ты приходиль? — „Узнаешъ завпра — проспи! проспи, мой „другъ“ Удивительный челоѡкъ уходитъ — Анна Семеновна вздыхаешъ, дѣвка охаешъ, и всѣ засыпающъ безъ дальнихъ приключеній

Такъ кончилась ночь, въ которую должны были совершиться великія предиріятія Удивительнаго человѣка.... Судьба, жестокая Судьба назначила иначе! можетъ быть, ей необходимо нужно было, по непремѣннымъ ея законамъ, чтобы Удивительный человѣкъ не прежде заснулъ, какъ разбивъ себѣ колѣно и опрокинувъ ночной сподлихъ.....

Г л а в а V.

Студентъ словесныхъ Наукъ долженъ быть — Сочинитель; молодые Сочинители любящъ восхищаться Природою, и словомъ и дѣломъ; вопль почему нашъ студентъ вспалъ вмѣстѣ съ солнцемъ, съ упренными жаворонками и соловьями; — все, что онъ прочелъ въ чувствительныхъ Авторахъ о деревенской жизни, представилось его пылкому воображенію. Онъ по примѣру ихъ прежде всего пошелъ въ молочную — выпилъ спаканъ густыхъ розовыхъ сливокъ, попомъ сломилъ прутикъ опъ густолиственной березы, вздохнулъ, снялъ шляпу и пошелъ въ садъ..... Карпина восходящаго солнца, пѣніе птицъ, свѣжестъ въ воздухѣ и какое-то внушеніе.

нее удовольствіе восхищало студента, все заставляло его изъ глубины души возноситься мыслию выше, выше, выше..... Онъ уже перенесся въ седьмое небо, въ необозримыя области фантазіи..... Душа его пребывала лиры, чтобъ воспѣть экзаменомъ прелесть существованія, какъ вдругъ..... его кличуть....., Иванъ Семеновичъ! Иванъ Семеновичъ!“—по былъ Вице-Камердинеръ Удивительнаго челоѣка, пожалуйста къ его Высокородію—онъ имѣетъ до васъ крайнюю нужду.....—,Иду“— Студентъ забывши весь міръ идетъ, бѣжитъ, лепитъ къ его Высокородію!.....—Я опять обвиняю судьбу, которая мѣшала моему другу въ самыхъ лучшихъ предпріятіяхъ..... Никшо не увѣришь меня, что къ лучшему, Его Высокородіе прислалъ за Иваномъ Семеновичемъ? Онъ уже готовъ былъ подарить насъ Одою и вдругъ долженъ ийти къ его Высокородію..... Можно ли не досадовать на эту судьбу?.....

Студентъ идетъ, бѣжитъ, лепитъ—и наконецъ..... въ кабинетъ его Высокородія—входитъ и опускаетъ назадъ опъ удивленія..... —,Что съ вами сдѣлалось, ваше

„Высокородіе? вы блѣдны, — пасмурны. — Ахъ
 „мой другъ!—я едза не умеръ въ эту ночь!
 „Садись!—слушай, что хочу сообщить тебѣ!“
 „Ничего ваше Высокородіе, я посиюю. — Са-
 „дись же..... Нынѣшнюю ночь я ни на волосъ
 „не спалъ... Эта бессонница заставила меня
 „хорошенько подумать объ этой деревнѣ....
 „Слушаю, ваше Высокородіе. Это очень хо-
 „рошо — здѣсь я полный господинъ, здѣсь
 „всѣ повинуются мнѣ, здѣсь никто не мо-
 „жетъ ни говорить, ни дѣлать противнаго
 „мнѣ; я воображаю себя владѣтелемъ—Кня-
 „земъ.....—Точно такъ, ваше Высокородіе—
 „здѣсь я первый! совершенная истина, ва-
 „ше Высокородіе.— Не будучи занятъ служ-
 „бою, я хочу посвящать время моего здѣсь
 „пробыванія на образованіе моихъ поселянъ.
 „Очень хорошо, ваше Высокородіе!! — Они
 „добрые люди—но не таковы, какими бы мнѣ
 „хотѣлось ихъ видѣть.....—Истинно, ваше
 „Высокородіе!—ихъ легко можно преобразить.
 „Безъ сомнѣнія, ваше Высокородіе! — Припомъ
 „мнѣ хочется видѣть здѣсь всякаго рода
 „заведенія“—Ничего не можешь лучше, ваше
 „Высокородіе! — Я хочу, чтобъ здѣсь былъ
 „маленькой городъ..... нѣсколько улицъ, учи-

„лице, шеапръ, маежъ, площадь, монументы, казармы для всякихъ мастеровъ — но прежде всего сельскій судъ!..... Сельской судъ? да—другъ мой, Сельской судъ? Какъ не приспойно мнѣ занимаешься креспьянскими дѣлами дома, приказывашь и судишь ихъ, то мнѣ хочешся выпроишь домъ..... Безподобно, ваше Высокородіе!..... Домъ для Сельскаго суда..... Я, яко помѣщикъ беру на себя званіе главнаго судьи—ты будешь моимъ секретаремъ—прикащикъ совѣшникомъ, староста въ родѣ кваршальнаго надзирашеля; писарей можно набрашь изъ Актеровъ — Единственно, ваше Высокородіе!—А? не правдали, чпо я вздумаль славное дѣло? Судъ будешь раздѣлень на при опдѣленія: Барское, Гражданское и Уголовное..... Весьма благоразумно, ваше Высокородіе!—въ Гражданскомъ будемъ разбирашь ссоры; въ Уголовномъ наказывашь, въ Барскомъ будушь занимаешься взиманіемъ оброку..... Сверхъ того къ гражданскому опдѣленію опносишь училище, шеапръ, садъ; къ уголовному: работы; къ барскому: жалованье дворовымъ людямъ и назначеніе праздниковъ..... О! я въ воски-

„щеніи опъ вашего плана, ваше Высокоро-
 „діе!..... А? не правдали?—Испинно, ваше
 „Высокородіе!—Теперь надобно шебѣ заняшь-
 „ся сочиненіемъ законовъ гражданскихъ и
 „уголовныхъ..... Да! надобно еще деревен-
 „скую полицію: безъ полиціи нѣтъ поряд-
 „ка.....—Точно, ваше Высокородіе! И такъ
 „напиши законы для Гражданскаго опдѣле-
 „нія, для Уголовнаго Опдѣленія и для поли-
 „ціи, ясно и вразумительно!..... Живописцу
 „вели нарисовать фасадъ и планы саду,
 „шеапру, манежу и ремесленному Инспи-
 „шуту..... Слушаю, ваше Высокородіе—Все
 „какъ можно поскорѣе..... такъ же и
 „шпашъ людямъ, нужнымъ для суда.....
 „Жалованье я самъ назначу..... Ну, другъ
 „мой, не правда ли, что у меня чрезвычай-
 „ныя мысли? Я буду здѣсь Сулпаномъ.—Пре-
 „лестно!... Не понимаю, какъ счастливая
 „мысль, о преобразованіи моей деревни, пре-
 „жде не пришла мнѣ въ голову..... Я жилъ
 „въ городѣ, и совсѣмъ не такъ, какъ долж-
 „но жить истинному помѣщику 3000 душъ!
 „Теперь все поидеть иначе! ступай же,
 „пиши,,! —

Удивительный человекъ съ торжествующимъ лицомъ вспалъ съ кресель, ударилъ двумя пальцами по своей шабакеркѣ, понюхалъ пабаку и указалъ Сшуденшу двери.— Сшуденшъ поклонился и вышелъ. Голова его была наполнена высокими мыслями — о законахъ; онъ прибѣжалъ въ свою комнашу, схватилъ деснь бумаги, перо; сѣлъ, разомъ вывелъ: *1800, года постановленія, то есть: законы для жителей, то есть крестьянъ села Талантова.....* Не знаю, былъ ли онъ рожденъ законодашелемъ, полько мой Сшуденшъ началъ писать съ невѣрояшною скоростію, и параграфъ за параграфомъ слѣдовалъ безъ всякой ошановки. Не даромъ говоряшь, что— умный человекъ ко всему годишся.

и — оы.

(Продолженіе впрелъ.)

III. ЛИТТЕРАТУРА.

А) ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.

ПРЕВРАТНОСТЬ СУДЬБЫ.

(Италиянская повесть)

(Друзей моему Н...ю О...у Ко...ву.)

Серванши, Неапслипанскій купецъ, нажилъ весьма значительный капиталъ отъ торговли въ Воспокомъ. Всѣ называли его человѣкомъ честнымъ—и справедливо; но также говорили, что онъ былъ мститель— порокъ свойственный многимъ Испаліанцамъ. Однажды, будучи обиженъ нѣкопорымъ придворнымъ вельможею, онъ вызвалъ его на поединокъ и въ крови его омылъ свое оскорбленіе. Избѣгая мщенія родственниковъ придворнаго, онъ забралъ большую часть собственнаго имѣнія и отправился съ семействомъ своимъ, на Французскомъ кораблѣ, въ Марсель, гдѣ и думалъ— было продолжать торговлю; но разсудя, что и оставшимся ему капи-

Ч. III. Кн. VII. 3

шломъ могъ онъ жишь во всякомъ довольствѣ, рѣшился прекрапитъ оную и въ мирномъ уединеніи наслаждашья плодами трудовъ своихъ. Для сего купилъ онъ у подошвы Севенскихъ горъ, въ окрестностяхъ Монпелье, довольно обширное помѣстье, гдѣ въ семейственныхъ удовольствіяхъ и пріятной независимости проводилъ остатокъ дней своихъ.

Серванши имѣлъ единственнаго сына, по имени Теодора, воспитываешь коего почель для себя пріятнѣйшимъ долгомъ. Когда Теодору минуло 14 лѣтъ, отецъ послалъ его въ Парижъ, чпобъ усовершенствовашъ въ Наукахъ и Словесности, которыя Серванши любилъ и кошорыми въ уединеніи своемъ занимался. — Эшо бываетъ рѣдко въ его сословіи. Иногда Музы по необходимости угождають и *Плутусу*; но почти никогда невидно, чпобъ сей бесѣдовалъ съ ними и нравился въ ихъ обществѣ.

Дарованія открывающешя рано. Теодоръ въ самое короткое время сдѣлалъ блестящія успѣхи во многихъ Наукахъ и Словесности. Уже на 18 году возраста своего издалъ онъ многія сочиненія, въ коихъ вид-

ны были и богатое воображеніе и легкій слогъ. Ко всѣмъ эшимъ преимуществамъ прибавьте пріятное, выразительное лице, и сію любезную искренность молодого челоука, который плѣняя ея всѣхъ, не понимаетъ къ чему годится скрытность: вошь главныя чершы Теодорова характера.

Въ немъ были и пороки: со вспыльчивостію соединялъ онъ упрямство непреодолимое. Также не терпя льстецовъ, онъ и самъ никому не льстилъ. Часно бывалъ споль неоспороженъ, что говорилъ другимъ истину, опровергавшую мнѣнія ихъ, или оскорбляющую ихъ самолюбіе.

Юный Теодоръ, посвящая жизнь свою дружбѣ и Словесности, началъ уже въ Парижѣ поприще, усѣянное цвѣтами; но вдругъ неожиданный случай принудилъ его поспѣшно оставить столицу. Отець его скончался. За недолго предъ эшимъ онъ лишился своей матери. Почему Теодоръ поѣхалъ въ Лангедокъ, чтобъ забрать родительское наслѣдство. Намѣреніе его было, приведя въ порядокъ дѣла, возвратиться въ Парижъ. Обращя все свое имѣніе въ наличныя день-

ги, Теодоръ опиравался съ ними въ столицу Франціи. Онъ, подобно нѣкошорому Греческому Философу, могъ бы такъже сказать: omnia mea secum porto, т. е. все имѣніе мое нешу съ собою.

Дорогою размышлялъ Теодоръ, какое избрать ему званіе. Въ военной службѣ онъ могъ отличиться храбростію и дарованіями своими; но воинская подчиненность не слишкомъ сходствовала съ любовью его къ независимости. Такъже могъ бы онъ чрезъ случай или деньги получить прибыльное мѣсто при Государственныхъ сборахъ; но Теодоръ былъ слишкомъ чужденъ для сей должности. Наконецъ, колебавшись нѣсколько времени, онъ рѣшился путешествовать. Я объѣду, говорилъ онъ самъ себѣ, знаменѣйшія земли Европы, узнаю нравы, обычаи, правленіе различныхъ народовъ; возвращаясь въ отечество, напечаатаю мои наблюденія — и шѣмъ заплачу должную ему дань.

Такъ мечпалъ дорогою Теодоръ. Восхищенный сею прекрасною мыслию, горѣлъ онъ нешерпѣніемъ достигнуть Парижа, чшобъ произвестъ оную въ дѣйство. Уже былъ онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Орлеана, какъ

воры выбѣгають изъ густоты лѣса и нападаютъ на коляску его, сбиваютъ съ козель почпальона — и бросающя на Теодора. Онъ защищается храбро; но, будучи раненъ въ руку, не можеть болѣе сражаться: его грабятъ, опниваютъ кошелекъ, бумажникъ — и кромѣ нѣсколькихъ ефимковъ, избѣгнувшихъ поисковъ разбойниковъ, у него ничего не оспалось. Онъ едва имѣлъ чѣмъ заплапнть въ Орлеанъ за перевязку ранъ своихъ — и пришелъ въ Парижъ въ самомъ жалоспномъ состоянн.

Какая внезапная перемѣна! какой ударъ судьбы! Теодоръ, пошь самый Теодоръ, копорый за нѣсколько дней предъ симъ располагалъ пяпидесятью тысячами ефимковъ, былъ пеперь нищимъ въ городѣ, гдѣ недавно еще игралъ блиспантельную ролю. Не сполько оскорбляла его поперя имѣння, какъ подлоспъ и гнусная измѣна мнимыхъ друзей, копорые, когда имѣли въ немъ нужду, спарались угождашь ему, но увидя его въ нищестѣ, оставили и даже не хотѣли его узнать.

Теодоръ не унывалъ въ несчастнн. Онъ живо чувствовалъ цѣну превосходнымъ насавле-

ніямъ философовъ. Я ничего существенно не пошерялъ, говорилъ онъ; — развѣ недоспаешь у меня здоровья, силы и бодрости, кои суть первыя блага? То, что похитили — было, нѣкоторымъ образомъ, мнѣ чуждо, ибо случай и малѣйшее своенравіе форшуны, могли меня онаго лишити.

Размышленія сіи возбудили въ немъ бодрость и ушѣшили его въ несчастіи. Будучи предприимчивъ, рѣшился онъ ийти въ какой-нибудь приморскій городъ, гдѣ надѣялся сыскаать болѣе случаевъ, чпобъ показати свою дѣятельность. Съ помощію денежныхъ пособій, полученныхъ имъ опъ нѣкоторыхъ особъ, принимавшихъ участіе въ его положеніи, пошелъ онъ въ Наншъ съ рекомендабельными письмами къ одному купцу, производившему торгъ съ Америкою, который немедленно препоручилъ ему нѣсколько небольшихъ дѣлъ, въ коихъ показалъ онъ столько рвенія и ума, что пріобрѣлъ полную довѣренность своего хозяина, и поспоянствомъ, трудолюбіемъ и хорошимъ поведеніемъ въ пятнадцатъ лѣтъ нажилъ себѣ порядочное состояніе.

Испылавъ превратности судьбы и зная, что желанія человѣческія безпредѣльны, Теодоръ оставилъ торговлю и предался первымъ своимъ любимымъ упражненіямъ въ Наукахъ и Словесности. Возвратясь въ Парижъ, онъ женился. Супруга его была не богата, не красавица; но она имѣла основательный умъ и добрую душу — качества содѣлывающія супружество счастливымъ.

Въ бытность свою въ Парижъ Теодоръ познакомился съ нѣкоторыми Писателями, въ числѣ коихъ были Даламбертъ и Рейналь; соглашаясь съ ихъ правилами, онъ издалъ нѣсколько сильныхъ сочиненій, въ коихъ слишкомъ вольно объявилъ мнѣнія свои о роскоши Двора, грабительствѣ опкушниковъ, пышности дворянства и распущенствѣ Духовенства, чѣмъ и навлекъ на себя злобу тѣхъ, коихъ пороки отличились не спрашивая. Полиція сдѣлала розыскъ; а какъ онъ не былъ расположенъ окончить жизнь свою въ Бастиліи, то оставилъ Францію и удалился въ Швейцарію. Пробывъ нѣсколько времени въ Женевѣ и насладясь бесѣдою Ферней-

скаго Философа, Теодоръ рѣшился поселиться въ Италіи. Онъ отправился въ Тоскану, гдѣ, на берегу Арно, купилъ небольшое помѣстье, надѣясь провести остатокъ дней своихъ въ спокойствіи и любви супружеской.

Избранное имъ убѣжище имѣло пріятное положеніе, прекрасной видъ и разнообразіе. Здѣсь представлялись взору холмы покрытые виноградными, оливковыми, лимонными и другими плодоносными деревьями. Тамъ разстилались необозримыя равнины, обильныя пажити. Быстрая Арно и синеватая цѣпь Аппенинскихъ горъ, касавшихся облаковъ, вѣнчали сію величественную картину. Уже десять лѣтъ пролекли, какъ Теодоръ съ обожаемою супругою и своими дѣтьми наслаждался Природою въ странѣ, гдѣ она являетъ все свое великолѣпіе. Теодоръ занимался воспитаніемъ дѣтей своихъ, а супруга его хозяйствомъ; оспальное же отъ сихъ занятій время проводили они то въ чтеніи пріятныхъ и поучительныхъ книгъ, то въ обработываніи прекраснаго садика, изобиловавшего зеленью и плодами. Часто прогуливались они въ окрестностяхъ,

навѣщали бѣдныхъ сосѣдей, которымъ помогали совѣтами или деньгами, и въ счастіи ихъ полагали собственное свое благополучіе.

Небо за добродѣтель ихъ даровало имъ примѣрную дочь. Полина была лучшимъ украшеніемъ Теодорова семейства. Съ каждымъ днемъ разкрывались ея прелести, каждый день освѣщала въ ней новыя достоинства душевныя. Доброѣта, скромность и чувствительность запечатлѣныя на лицѣ ея, плѣняли всѣ сердца; не возможно было, видѣвъ, не полюбить Полины.

Уже минуло ей шестнадцать лѣтъ, и она почувствовала необходимость любви. Красота ея привлекала изъ окрестностей и даже изъ Столицы многихъ молодыхъ людей, желавшихъ заслужить вниманіе Полины; но — она не удостоивала ихъ и взглядомъ. Въ числѣ сихъ искашелей былъ богатый Флорентинецъ Пизанно, пріятный яружностью, но гнусный душою; онъ очень спарался понравиться гордой красавицѣ. Желая обладать благороднымъ ея сердцемъ, онъ думалъ богатыми подарками — кошорые ни-

когда не были принимаемы — въ глазахъ Полины замѣнить душевные свои недоспапки.

Счастливецъ поправившійся Полинѣ былъ молодой человекъ, (житель одного городка, находившагося при подошвѣ Аппенинскихъ горъ,) котораго семейство, извѣстное своимъ праводушіемъ, обѣдняло опъ продолжительныхъ несчастій. Его звали Сальвиати. Идучи изъ Рима и привлекаемый красотою мѣстоположенія, онъ нечувствитель-но сбился съ большой дороги; случай или нѣкоторое предчувствіе привело его въ жилище Теодора, который будучи гостеприименъ, обласкалъ незнакомца, и увидя изъ разговоровъ, что онъ человекъ воспитанный, просилъ его посѣщать себя. Полина при видѣ Сальвиати была равнодушна; она сдѣлалась безмолвна и безпрестанно, не зная сама опъ чего, краснѣлась.

Юноша, которому молчаніе и помусленные взоры дѣвицы были вѣрнымъ доказательствомъ благопріятнаго впечатлѣнія имъ надъ нею сдѣланнаго, съ перваго взгляда уже обожалъ Полину. Желаніе нравиться ей — придавало новый блескъ его достоинствамъ. Онъ посѣщалъ Теодора, хотя не часто; но

Полина скоро почувствовала къ нему взаимность, копорую она не могла долго скрывать. Теодоръ, примѣшивъ оную, былъ слишкомъ благоразумень и не думалъ препяшствовать ея любви. Видя взаимность, онъ рѣшился соединить два сердца, рожденныя одно для другаго и шѣмъ наградишь ихъ доброту. Онъ обѣщаль Сальвиати руку дочери своей. Правда, мать ея сначала проотивилась сему союзу: сколь разсудительна она ни была, но менѣе достоинствъ и болѣе денегъ по мнѣнію ея было бы лучше; однакожь она совсѣмъ почти согласилась на просьбы Полины и на неоспоримыя доказательства своего мужа.

Уже любовники поклялись другъ другу въ вѣчной вѣрности, и скоро неразрушимый союзъ долженствовалъ основать ихъ счастье. Досель судьба, казалось, хранила сіе мирное убѣжище; но гибельное приключеніе все разрушило. Въ одно изъ шѣхъ разлитій, когда Арно опъ дождей и воды, спекающей съ Аппенинскихъ горъ, вышупаетъ изъ береговъ и зашопляетъ окрестности, одна крестьянская семья окруженная оповсюду разъяренными волнами, видя неминуе-

мую погибель, воплями молишь о спасеніи. Теодоръ первый поспѣшаетъ къ ней на помощь: уже онъ достигъ несчастныхъ, уже сажаетъ ихъ въ лодку свою, радуясь что могъ сдѣлать доброе дѣло; но девятый валъ опрокидываетъ ее и Теодоръ поглощается вмѣстѣ съ шѣми—коихъ желалъ спасти.

Сіе ужасное приключеніе ввергло не только Теодорово семейство, но и всю окрестность, коюрой онъ благодѣтельствовалъ — въ глубокую печаль. Поселяне, проливая обильныя слезы и рыдая, требовали у разъяренной стихіи добраго Теодора — отца своего. Бѣдные люди сіи не имѣли даже и прискорбнаго упѣшенія воздать погребеніемъ почестъ тѣлу его, коюрое было унесено быспрошою рѣки.

Обожашели Полины, удалившіеся узнавъ о любви ея къ Сальвіати, по смерти Теодора, въ надеждѣ что мать ея не согласится на бракъ сей, снова явились. Лестью и обѣщаніями принудили они ее объявить Сальвіати, что никогда не рѣшится она выдать за него дочь свою.

Несчастливая Полина, находясь между боязною оскорбишь родительницу и страхомъ нарушишь клятвы свои, безпреспанно посковала. Спраданія изнурили ее. Вѣроломный Флорентинецъ, желая лишить ее всѣхъ предлоговъ отвергать себя и вмѣстѣ опмсипъ сопернику, предпочтенному ею, умершзиль Сальвіаши. Тѣло несчастнаго юноши, обогренное собственною кровію и пронзенное во многихъ мѣстахъ кинжаломъ, было найдено на другое, упро нѣкоторыми крестьянами, копорые узнавъ, что это былъ шрупъ Сальвіаши, ошнесли его въ ближнюю деревню. Полина, увѣдомленная о семь ужасномъ происшествіи, была въ опчаяніи.

Подозрѣнія ея падають на Пизанно и скоро увѣрилась она, что онъ безъ всякаго наущенія собешвенно самъ собою содѣлался убійцею ея любезнаго.

Извергъ не насыпилъ шѣмъ свою злобу. Ему не довольно было избавишься соперника; злодѣяніе сіе удовлетворило шелько его зависти; но не удовольшвовало порочной страсти. Зная, что Полина гнушаепся имъ, и что никогда ему не удастся владѣшь ея сердцемъ, онъ вздумалъ овладѣшь покрайней мѣ-

рѣ самую ея и для сего выжидалъ случая насильно ея похищити. Однажды Полина, погруженная смертію родителея и любезнаго въ мрачную задумчивость, копорая напечатлѣвала во всѣхъ чертахъ ея прогашельное изнуреніе, прогуливалась одна, неподалеку отъ своего жилища; вдругъ видитъ подъѣхавшую къ ней коляску, изъ коей выскакивають два замаскированные человѣка, схватываютъ и не взирая на крикъ влекутъ ея въ отдаленный домъ, гдѣ одинъ изъ разбойниковъ снялъ съ себя маску, и Полина узнаетъ въ немъ вѣроломнаго Флореншинца; но извергъ не насладился плодами своихъ пресупленій. Полинѣ оспавались смерть или безчестіе. Она избираетъ первую, мгновенно изпоргаетъ кинжалъ изъ рукъ Пизанно и занеся на него: „Чудовище! говоришь она ему, жизнь швоя въ моей власти! но я шебя щажу, собственная швоя совѣсть будетъ моею мспительницею!“ Съ сими словами, Полина вонзила убійственное желѣзо въ грудь свою . . . и—прекрасной не спало!

* лѣ * вѣ.

Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТРАННИКЪ.

Я видѣлъ странника въ степяхъ
Прекраснаго и молодаго:
Онъ шель съ покровомъ на глазахъ,
Не зрѣвъ пуши себѣ прямаго.

*

— Какого ищешь ты конца
Въ пуши? — спросилъ я съ изумленьемъ
У одинокаго слѣпца:
Онъ, молча, съ прежнимъ шель стремленьемъ—

*

И шамъ, гдѣ опъ него вблизи
Я зрѣлъ привѣпливыя сѣни,
Онъ вдоль невѣрной шель стези,
Безъ опдыха, подъ кровомъ шѣни;

*

И цѣлый день онъ все блуждалъ,
 Изъ края въ край, въ степи, подъ зноемъ —
 И, мученикъ, онъ не встрѣчалъ
 Приюта съ сладостнымъ покоемъ!

*

Заспигла ночь его въ пупи
 И скрыла опъ меня шуманомъ
 Не шакъ ли намъ всю жизнь иппи
 Обречено лишь за обманомъ?

*

Идемъ невѣрною стезей,
 Разсудка голосъ презирая;
 На мигъ не опдохнемъ душой,
 Себя желаньямъ предавая.

*

Весь вѣкъ — раздумье и шоска,
 И безпокойное стремленье:
 Пока насъ времени рука
 Не скроетъ въ мрачномъ започеньи!

* *

В Ъ А Л Ь Б О М Ъ.

Н. Н.

Чегобъ не написалъ *Поэтъ*
Въ альбомѣ у прекрасной?
Нашли бы путь ея поршреть,
Гдѣ — взоръ, какъ упрю, ясной,
Улыбка, какъ весенній день,
Ланипы, будто розы,
По плечамъ локоны, какъ шѣнь,
И нѣжной пуберозы
Дыханіе въ устахъ, и рядъ
Зубовъ, какъ мраморъ бѣлыхъ,
И все, чѣмъ Граціи блестятъ
Среди пировъ веселыхъ,
У Зевса съ матерью своей....
Завидую Поэту!
Чпощь мнѣ въ альбомѣ оставить ей?
Спихи.... умчатся въ Лешу —
И съ ними обо мнѣ умреть
Ея воспоминанье!

Пусть такъ! Но въ слѣдъ за ней пойдешь
 Вездѣ мое желанье,
 Чшобъ жизнь ея, подобно ей,
 Цвѣла прекраснымъ цвѣшомъ,
 Чшобы она и въ осень дней
 Цвѣла какъ раннимъ лѣшомъ!

О. О.

А. Л.

Безъ всякой лести и похвалъ
 Мнѣ незнакомыхъ совершенно,
 Сказашъ рѣшаюсь откровенно:
 Тебя прекраснѣй я видалъ,
 Но добрыхъ, шакъ какъ пы, душою,
 Съ споль милой сердца простошою,
 Ей-ей, я опъ роду не зналъ.

Д. Соловьевъ.

О Р Е Л Ъ И З М Ъ Я.

(Б А С Н Я.)

Зевесовыхъ носитель стрѣль
Спустился на землю, Орель,
Едва лишь на нее спунилъ и примѣчавъ
Свирѣпую змѣю,
Которая ему войною угрожаетъ,
Досадой, завистью пылаешь,
Вспаешь, бросается на добычу свою
Шипишь и жало испуцаешь.
Царь птицъ, во мщенье ей внявъ разума совѣтъ,
На высоту небесъ направилъ свой полетъ.
Взоръ пресмыкающихъ шуда недосагаешь.

Гр. Хвостовъ.

Р О М А Н С Ъ.

Скоро, скоро разспавашся
Съ быспрочисною Невой;
Въ мысляхъ и въ душѣ мечпашся
Долго будетъ край родной;
Я друзей отколѣ кликну, —
Долго, долго не привыкну
Къ солнцу и землѣ чужой

* * *

Коли сердце унываетъ,
Гдѣ мнѣ радости обрѣстъ?
Въ лѣто солнце всѣмъ сіяетъ,
Мнѣ спѣшитъ поску принестъ.
Коли милой нѣтъ со мною,
Буду въ зиму и весною
Одинокимъ въ свѣпѣ жить.

* * *

Б У Р Я.

Ахъ, гдѣ опъ грозной бури скрышься?
Буграми синій понпъ кипипъ,
Въ гранитахъ валь сѣдой дробипся
И громъ надъ бездною гремипъ!
Во мракѣ молнiя сверкаепъ,
Несется ужась надъ главой,
Но насъ надежда окрiляепъ...
Нѣтъ страха, мiлая, съ побой.

* * *

Могу ли льспипъ себя мечпами?
Ахъ, можепъ быпъ, минушой сей
Боропся будемъ мы съ волнами
Въ ладѣ раздробленной своей
И, влажной гробъ — для насъ опкрылся,
Я мучусь горемъ и поской;
Но мнѣ надежды лучъ явился...
Нѣтъ страха, мiлая, съ побой.

* * *

Когда въ любви я нѣжной паю
 Опъ взоровъ пламенныхъ швоихъ,
 Съ побой, Мальвина, презираю
 Весь ужась въ бѣдствіяхъ шакихъ,
 Твоей улыбкой упоенный,
 Дышу я страстію одной.
 Надежда! пы есть даръ безцѣнный...
 Я счастливь, милая, съ побой.

(Съ Франц.) Кр. — вѣ.

Д В А С О В Ъ Т А.

1.

Друзья! когда свободой дорожите:
 На Лиллу *не глядите.*

2.

Напрошивъ; кто любви нехочетъ ввѣкъ имѣшь,
 Тому совѣшую я Лиллу *разглядѣть.*

* *

КЪ С Т А Т У Ъ Н І О Б Ы.

(Изъ Антологіи.)

Богами въ мраморъ я была превращена;
Родился Пракситель — и жизнь мнѣ опдана.

Н. Рейнсдорфъ.

Э П И Г Р А М М А.

Нашъ Климычъ испинно предоброе шворенье:—
Онъ Божескій законъ душею всей любя,
Не молвишь про людей во вѣкъ худаго мнѣнья
За шѣмъ, что говоришь—лишь только про себя.

IV. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

О НОВѢЙШЕЙ МУЗЫКѢ.

ИТАЛІАНСКІЕ КОМПОНИСТЫ.

(Продолженіе.)

Францискъ Гаспарини родился въ Луккѣ около половины семнадцатаго столѣтія. Онъ былъ училелемъ музыки при Консерваторіи della Pietà въ Неаполѣ, и оставилъ много швореній въ церковномъ и театральномъ стилѣ, по которымъ можно причислить его къ величайшимъ Компонистамъ того времени. Всѣ его сочиненія оплчаются какимъ-то пріятнымъ, нѣжнымъ стилемъ, о которомъ тогда очень мало имѣли понятія. Даже въ самой глубокой старости онъ клалъ на музыку прекрасныя мадригалы. Его небольшое сочиненіе L'armonico pratico al cembalo напечатано въ 1802 году шестымъ изданіемъ.

Бальдассаръ Галуппи родился въ 1703 году на островѣ Бурано близъ Венеціи. Онъ учился начальнымъ основаніямъ музыки у своего отца, а потомъ въ Консерваторіи degli Incurabili, гдѣ славный *Лотти* давалъ ему уроки въ контрапунктѣ. Его первая опера *Gli amici rivali* — была принята очень неблагоклонно; но это обстоятельство не успрашило молодого Компониста. Онъ спалъ внимательнѣе къ своимъ ошибкамъ, и оказалъ споль быспрые успѣхи, что вскорѣ овладѣлъ почти всеми театрами въ Италіи. Его сдѣлали Капельмейстеромъ при церкви Св. Марка, органистомъ многихъ церквей и училелемъ при Консерваторіи degli Incurabili. На 63 году онъ былъ приглашенъ къ Россійскому Двору въ званіи перваго Капельмейстера, съ жалованьемъ по 4000 рублей, кватширою и экипажемъ. Первая композиція его здѣсь была *Didone abbandonata*, послѣ представленія кошорой Императрица подарила ему золотую, бриліантами осыпанную табакерку и 1000 червонцевъ, говоря, что Дидона въ своемъ завѣщаніи опказала ему сіе наслѣдство. Вторая, сочиненная имъ въ Россіи опера, была *Ифигенія въ Тавридѣ*. Въ 1768

году онъ возвратился въ Венецію, гдѣ и жилъ - какъ счастливый отецъ многочисленнаго и зажиточнаго семейства до самой своей смерти (1785). Утверждаютъ, что оперы и церковныя піесы, сочиненныя имъ въ послѣднихъ лѣтахъ, обнаруживаютъ гораздо болѣе генія, вкуса и высокаго таланта, нежели всѣ прежнія его сочиненія. Небольшіе недоспѣшки въ числѣ композицій щедро замѣняются оригинальными идеями и красотою мелодіи. Почти всѣ оперы Галуппи (числомъ до 50) принадлежатъ къ комическому роду, который ему особенно нравился и въ которомъ онъ былъ неизчерпаемъ въ оборотахъ и вымыслахъ. Даже въ самыхъ героическихъ операхъ и церковныхъ композиціяхъ заключаются аріи и хоры исполненные огня и выраженія. Изъ твореній его ничего не напечатано, кромѣ одной оперы: *Il mondo alla rovescia* — и четырехъ симфоній.

Венедиктъ Маргелло (род. 1680, ум. 1739) особенно прославился своими мошештами, Кантатами и другими церковными и театральными композиціями. Спиль его вообще просвъ, благородень, не рѣдко величественъ.

Но его пѣніе для солистовъ чрезвычайно трудно, и требуетъ голоса съ необыкновеннымъ объёмомъ, который бы не спрашался никакихъ интерваловъ. Онъ написалъ нѣсколько теоретическихкихъ сочиненій о музыкѣ, и образовалъ славную пѣвицу Фаустини Бордони.

Николай Порпора, котораго Итальянцы называютъ Паприархомъ гармоніи, родился въ Неаполь въ 1685 году. Его Каншаты, появившіяся въ 1730 году, были источникомъ изящнаго вкуса для всѣхъ послѣдующихъ музыкальныхъ сочиненій. Въ 1729 онъ опозванъ былъ въ Дрезденъ Капельмейстеромъ ко Двору Курфиршта Саксонскаго, куда и отправился съ образованною имъ пѣвицею Мингоцци. Компонистъ Гассе и жена его, славная Фаустина, не могли скрыть своей зависти, опасаясь, чтобы Порпора и его ученица не превзошли ихъ. Въ 1741 году Порпора возвратился въ Неаполь, гдѣ основалъ школу для пѣнія, изъ которой вышли знаменитѣйшіе пѣвцы оснадцатаго столѣтія: Фаринелли, Кафарелли, Салимбени, Губертъ, пѣвица Габріели и др. Въ 1752 году онъ опозванъ былъ съ Фаринелли въ

Лондонъ, гдѣ нашель сильнаго прошивника — Генделя. Не смотря на то, его шеатръ дарованіями Фаринелли держался до 1736 года. Въ эшо время онъ сочиниль шесть шріо для двухъ скрипокъ и баса (*Sei Sinfonie di Camera*), копорыя доказывають, что онъ гораздо менѣ искусень былъ въ инспрументальныхъ композиціяхъ; поже самое замѣчаетъ Бюрней о Винги, Гассе, Марчелло, Перголези и другихъ, копорыя преимуще-спвенно занимались вокальною музыкою. Эшо объясняетъ намъ, что просшоша, сосшавляющая главное качество пѣнія, лишаетъ инспрументальную музыку всей красоты и вкуса. Впрочемъ Порпора самъ чувствоваль, чего недосшавало ему въ семъ опношеніи. Онъ послѣ щщательнo занимался сонатами *Корелли*, и въ 1754 году издалъ двѣнадцать сонатъ для скрипки, копорыя могутъ быть причислены къ первокласнымъ сочиненіямъ сего рода. — Порпора написаль много превосходныхъ швореній въ церковномъ, шеатральномъ и комнашномъ стилѣ. Величіе и важность сосшавляютъ вообще характеръ его музыки. Въ речитативѣ онъ можетъ служить образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ Компони-

сповъ. Пробывъ долгое время въ Венеціи въ званіи перваго учителя при Conservatorio degli Incirabili, онъ возвратился въ Неаполь гдѣ и умеръ въ 1767 г. въ величайшей бѣдности.

Джіованни Баттиста Перголези родился въ 1704 году въ городкѣ Казоріи, недалеко отъ Неаполя, и въ 1717 вступилъ въ уничтоженную послѣ Консерваторію dei roveri di Giesu Cristo. Гаetano Греко управлялъ тогда сею знаменитою школою. Этошь великій художникъ, о коемъ Ипальянцы даже по сіе время говоряшь съ великимъ почетомъ, прилагалъ особенное попеченіе о своемъ питомцѣ, и заблаговременно посвящилъ его во всѣ таинства музыки. Уже на четырнадцатомъ году Перголези отличился разными композиціями, въ которыхъ мелодія предана была на жертву вѣсь искусственнымъ оборотамъ контрапункта. Но по выходѣ изъ Консерваторіи онъ совершенно перемѣнилъ свой стиль, особенно наслышавшись твореній Винчи и Гассе. Но его первыя оперы не обратили на себя вниманія публики; однѣ только небольшія аріи заслужили нѣкоторую похвалу. Впрочемъ Князь ди Спильано, первый Шпалмей-

сперъ Неаполишанскаго Короля, лучше судиль о дарованіяхъ молодаго художника; онъ взялъ его подъ свое покровительствѣ и доставиль ему нѣсколько работъ для teatro nuovo. Въ это время Перголези сочиниль знаменитую оперу *Serva Padrona* (служанка госпожа) для театра Св. Варѣоломея. Но его геній не довольствовался обыкновенными предметами; онъ съ радостію воспользовался случаемъ прославить себя въ Римѣ важнѣйшею композиціею, и написалъ въ 1735 году *Олимпіаду* для театра Тординоне. Но сія опера, по несправедливому приговору публики, совершенно упала. Перголези возвратился въ Неаполь и сочиниль *Dixit* и *Laudate*, чѣмъ приобрѣлъ себѣ полную похвалу. Между тѣмъ здоровье его день ото дня ослабѣвало отъ продолжительнаго кашля съ кровью. Друзья уговорили его отправиться въ Торре дель Греко, при подошвѣ Везувія, ибо вообще думаютъ, что больные грудью здѣсь легко и скоро выздоравливаютъ, если еще возможно вылечить, въ противномъ же случаѣ скорѣе и окончиваютъ жизнь свою. Въ семь-то мѣсѣ Перголези сочиниль свое безсмер-

тное *Stabat mater*, Кантату *Орфей* и *Salve Regina*, которое было послѣднимъ его твореніемъ. Въ 1737 году онъ умеръ опъ испощенія силъ въ самое то время, какъ слава объ немъ начинала распространяться по всей Европѣ. Театры и церкви огласились его твореніями; въ Римѣ снова предспавили его Олимпіаду съ величайшимъ великолѣпіемъ, и чѣмъ равнодушнѣе слушали ее сначала, тѣмъ болѣе теперь спали удивляться красотамаъ ея. По общему сужденію Итальянцевъ, никто не превзошелъ Перголеза въ музыкальномъ выраженіи; но они упрекающъ его за повторенія, за опривиспый спиль, и что онъ иногда пренебрегалъ голосомъ дабы возвысить игру инструментовъ. Кромѣ того характеръ всей музыки его кажется имъ нѣсколько томнымъ и меланхолическимъ, который вѣроятно происходилъ опъ его плѣсной слабости. Перголеза справедливо называющъ Доминикиномъ въ музыкѣ.

Николай Гомелли родился въ 1714 году въ Аппелли, что въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, учился сперва въ Консерваторіи dei poveri di Giesu Cristo у Дуранша, а потомъ

въ Консерваторіи della Pieta de' Turchine у Проппы, Манчини и Лео. Сначала онъ сочинялъ только музыку къ балетамъ, (который родъ въ Италіи вообще мало уважается), и приобрѣлъ себѣ чрезъ то столько прошивниковъ, что написавъ послѣ первую комическую оперу (*Perrore amozoso*), не смѣлъ назвать себя сочинителемъ оной, но выдалъ ее подъ именемъ Валентина, одного посредственнаго Компониста. Сія опера заслужила отличное одобреніе, и поселила въ молодомъ художникѣ пылкое желаніе оплечить себя въ семь родъ музыки. Въ 1738 году онъ сочинилъ для Флорентинскаго театра оперу *Одоардо*, которая еще болѣе имѣла успѣха, и побудила его ѣхать въ Римъ, гдѣ онъ былъ принятъ съ отличнымъ уваженіемъ. Изъ прочихъ оперъ его особенно извѣстны *Astianatte*, *Iphigenia* и *Cajo Mario*; въ послѣдней находится превосходная арія: *Sproso, io vado a morir*. По извѣстности своего таланта, онъ безъ испытанія сдѣланъ былъ Капельмейстеромъ при церкви Св. Петра. Занимая сію должность сочинилъ превосходную музыку къ псалму: *Benedictus Dominus Deus Israel* (Благословенъ Господь

Богъ Израилевъ.) Съ 1748 по 1765 годъ Юмелли находился Капельмейстеромъ при Виртембергскомъ Дворѣ, который въ то время извѣстенъ былъ своею пышностію. Возвращаясь въ Испалію, онъ былъ приглашаемъ къ Поршугальскому Двору, и—хотя опклонилъ сіе предложеніе, однако сочинилъ много Оперъ для Короля Поршугальскаго, и послалъ къ нему списки со всѣхъ прочихъ своихъ твореній. Послѣ того онъ написалъ въ Римѣ двѣ Оперы, которыя не понравились публикѣ, потому что Юмелли, въ Германіи, примѣнялъ легкій, пріятный Испальянскій стиль на основательный Нѣмецкій. Изъ Рима онъ возвратился въ Неаполь, но и тамъ не имѣлъ успѣха, и умеръ въ 1774 году отъ паралича, который, какъ думаютъ, приключился ему отъ неблагоклоннаго принятія его Оперъ и отъ побѣды, одержанной надъ нимъ Нѣмецкимъ Компонистомъ *Шустеромъ*. Не за долго предъ смертію онъ сочинилъ еще одно *Miserere* (Помилуй мя, Боже), которое по удивительному и равносильному сцѣпленію двухъ хоровъ почитается мастерскимъ произведеніемъ. *Шубартъ* говоритъ въ похвалу *Юмелли*, что онъ былъ

однимъ изъ первыхъ музыкальныхъ геніевъ, произвелъ новый вкусъ и возвысилъ инструментальную музыку. Его пылкій духъ проложилъ себѣ новую дорогу необыкновенною гармоническою ясностію, богатствомъ мелодіи, смѣлою модуляціею и неподражаемою игрою инструментовъ. Онъ первый ввелъ въ употребленіе *стоккато* басовъ, починѣ опредѣливъ музыкальный колоритъ посредствомъ *crescendo* и *decrescendo*, и думалъ, что для образованія инструментовъ надобно и имъ доставлять трудъ. Нѣкоторые пославляющіе его Оперы выше церковныхъ композицій. Въ комнатномъ стилѣ онъ былъ небрежнѣе. Вообще въ раннихъ композиціяхъ его находятъ погрѣшности противъ чистоты стили, а въ позднѣйшихъ излишнія украшенія и тяжелые переходы.

(Продолженіе впрѣдъ.)

У. К Р И Т И К А.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПОЭМУ: *РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА*, ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ, соч.

А. ПУШКИНА. 1820.

Чрезвычайная легкость и плавность стиховъ — опмѣнная версификація составили бы существенное достоинство сего произведенія, если бы піищическія красоты, въ немъ заключающіяся, не были перемѣшаны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладоспρασными картинами и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошей вкусъ. Поэтъ умѣлъ успласть для чинапелля путь цвѣтами. Не спорю, что эта дорога послужитъ къ обогащенію нашей Словесности; но она не поведетъ къ образованію и облагородствованію вкуса. Черноморъ и всѣ его братья и сестры свиты Вельзевула могутъ нравиться болѣе грубому, необразованному народу. Должно ошдасть справед-

ливость Г. Пушкину: какою смѣлою и роскошною рукою раскидываетъ онъ красоты Поэзіи? въ стихахъ его по живость, по легкость — кажется, будто они выливались у него сами собою. Такъ велико и непримѣнно искусство! — Имъ одушевлены описываемые предметы, многія картины — прекрасны. Всё показываетъ въ немъ Поэта. При всемъ томъ надобно жалѣть, что дарованіе не избрало для себя болѣе благороднаго и возвышеннаго предмета, а обратилось на такую, которой могъ занимать тогда только, когда *умъ* и *знанія* были еще въ младенчествѣ. Кто бы подумалъ до появленія сего произведенія, что, при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, старинная сказка Русланъ Лазаревичъ найдеть себѣ подражателей? Теперь можно надѣяться, что у насъ расплодятся и Бовы Королевичи и Ильи Муромцы. Не спорю, что такого рода повѣсти въ стихахъ могутъ нравиться — какъ и Опера Русалка. Прекрасная музыка! прекрасныя декорации!

Прочитавъ Руслана и Людмилу, я думалъ было предложить подробный разборъ сему повѣствованію; но въ то же время окый

появился и въ Сынѣ Опечества. И попому я ограничусь замѣчаніями и не буду много говорить о содержаніи Руслана. Прочитавъ его, всякой узнаеть. Не стану доказывать—можно ли назвать его Поэмою: въ новѣйшія времена всякой почти разсказъ, гдѣ слогъ возвышается предъ обыкновеннымъ, называется Поэмою, хотя прежде сіе имя давали только шѣмъ произведеніямъ, въ коихъ описывались геройскія подвиги касательно Религіи, Нравственности, или такихъ происшествій, копорыми рѣшилась судьба Царствъ, гдѣ если не заключалось участія цѣлаго человечества, то по крайней мѣрѣ какого либо народа — и гдѣ причины дѣйствій сверхъ-естественны (*). Въ Русланѣ болѣе грубое простонародное волшебство, а не чудесное, копорое составляетъ сущность Поэмы. Въ немъ чудеса безъ правдоподобія, копорое есть основаніе, — первый законъ Поэзіи. Надобно, если не знанія, то что бы върадѣла происшествіе возможнымъ, а Поэма

(*) Поэмы въ смѣшномъ и прочихъ родахъ суть Пародіи; а Дидактическія—фальшивый родъ Поэзіи.

Русланъ показалаь бы спранною и для Славянъ-язычниковъ, и пошому она спра-ведливо названа въ Сынъ Опшечества: *богатырскою*. Сохрани насъ Боже опъ Поэмъ карловъ и Пигмеевъ! Поэма Русланъ и Людмила раздѣлена на пѣсни, написана яркими красками; но эшо все одна одежда. Я согласень съ Д'Аламбертомъ, что главное въ сочиненіи ешь предметъ, и не должно даже дѣлашь раздѣленій самаго слога; на высокій, средній и низкій. Предметъ высокой и—краски будутъ возвышенны, и никакія блестящія красопы не придадутъ много цѣны и благородства малозначущему предмету. Въ какое платье ни одѣнь урода, все будетъ уродъ. Телемакъ Фенелона написанъ и прозою, но онъ всегда будетъ стоять выше многихъ поэмъ въ стихахъ — выше Руслана. Скажемъ объ немъ наше мнѣніе.

Поэма Русланъ и Людмила могла бы почестьясь народнымъ спариннымъ рассказомъ, ели бы борода Черномора и голова брапа его—существовали хошя въ изустныхъ преданіяхъ. Поэшь сотворилъ ихъ самъ, подражая только онимъ, и представилъ никѣмъ нечитанныя и неслыханныя чудеса. Онъ желадъ иппи по слѣ-

дамъ Аріоста, но не имѣя споль возвышен-
ныхъ дарованій, вмѣсто дѣйствія цѣлаго мі-
ра, который являешся у сего Поэша-Ге-
нія, изобразилъ чепыре или пять лицъ, сдѣ-
лалъ изъ всего чудесную смѣсь смѣшнаго съ
проспонароднымъ, нѣжнымъ и разными кар-
пинами. Онъ рѣдко возвышается. Одинъ
только *пустынникъ* у него великое лице,
и хопя предспавленъ посстороннимъ, но имъ
движешся все дѣйствіе: жизнь его, откры-
тіе имъ *живой* и *мертвой* воды, копорую
онъ черпалъ въ *дѣвственныхъ* волнахъ: все
оспанавливало мое вниманіе и заспавляло
ему удивляшся. Русланъ крѣпко спить, у
него у соннаго похищаютъ Людмилу; онъ
хорошо рубишся съ Рогдаемъ, когда еще не
было причины къ бою; они съѣхались, какъ
и распались поѣхавъ оба искашь Людмилу.
Впрочемъ Русланъ помился, вздыхаетъ и
обнаруживаетъ нѣжныя чувспва, какъ *Се-
ладонъ*. Безъ совѣша пустынника, онъ, ка-
жется, оставилъ бы Людмилу, и на свадеб-
номъ съ нею пиру онъ уже сердился и щи-
палъ себѣ усы; безъ помощи пустынника,
лежатъ бы ему убитымъ ошъ Фарлафа.
Онъ не опомнился съ перваго удара; при

раза молодець-богатырь въ *перчаткахъ*, Фарлафъ, вонзалъ въ него хладную спяль. Самого Руслана одинъ только великій подвигъ—ударъ по щекъ головы руковицей; съ бородою карла - Черномора онъ имѣя и чудесный мечъ, не могъ вдругъ сладить, и только упомилъ его, державшись за бороду, и такимъ образомъ лепавъ съ нимъ по воздуху:—*превосходная картина!* доспойно въ по время и занятіе Руслана: онъ щипалъ изъ бороды волосы. Чудесно—духъ устаетъ и предлагаешь самъ себя въ волю героя, котораго носилъ въ атмосферѣ. Таково главное лице Поэмы! Людмила—*мила*, особливо когда визжитъ и подымаетъ кулакъ на Черномора. Рогдай не возбуждаетъ никакого участія: онъ споитъ, чѣмъ бытъ похищеннымъ Русалкой. *Ратмиръ прекрасенъ*, послѣ какъ его омыли красавицы въ Русской банѣ. Лице Фарлафа списано съ напуры. Напрасно только Поэтъ называетъ его героемъ доблестнымъ, скромнымъ средь мечей—это совсѣмъ не смѣшно. Фарлафъ вездѣ изображенъ по Русской пословицѣ: „блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяць.“ Ему покровительствуетъ Наина—вѣдьма, копорая превращается

въ *змея* и *кошку*. Противуборствующія силы Руслану предспавлены чрезвычайными. Какое гигантское воображеніе! Что за голова, что за борода? . . . Надобно бы шолько припомнить извѣстное посланіе Горация къ Пизонамъ:

Когда маляръ въ жару шрудяся надъ карпиней,
и проч.

и еще правило въ Поэмѣ: сверхъ-естественныя силы надобно приводить въ движеніе шогда шолько, какъ дѣйствіе не можешъ совершиться обыкновенными. Франпазія, вышедшая изъ границъ, штворитъ выродковъ. Не достойно ли кришкуютъ въ Виргилии, что онъ преврашилъ флогъ въ пшицъ; въ Мильтонѣ сраженіе Ангеловъ горами и што, что онъ вшацилъ на небеса огромную пушку; въ Камоэнсѣ, что онъ заспавилъ Бахуса чшпашъ Лишургію; въ Малербѣ, что онъ сравнивалъ слезы Св. Петра съ быспрымъ водопадомъ, а вздохи уподоблялъ разъяренному грому; и въ Шекспирѣ, что у него плавалъ корабль при берегахъ Богеміа? Не одни Поэшы подвергаются укоризнѣ за упущеніе здраваго смысла и правдоподобіа — и ж и живописцы. Хорошо ли сдѣлалъ Рафаэль, кош-

рый одѣлъ Св. Дѣву въ плашье Ипальянскихъ крестьянокъ; Рембраншъ, кошорый ставиль всегда Польскаго всадника при крестѣ Спасишеля; Тиншорешъ, кошорый вооружаль ружьями Израильшянь, проходящихъ чрезъ Чермное море? Можноли похвалишь находящюся въ Аугсбургской церкви картину, гдѣ жена Ноя одѣша въ богатое плашье Сулшанши и несешъ въ ковчегъ на рукахъ Болонскую собачку? Послѣ сего не должно ли вооружашься правилами самаго искусствва, утвержденными образованнымъ вкусомъ вѣковъ, прошивъ всѣхъ уродливостей помѣщенныхъ въ Русланѣ, и тѣмъ болѣе, что, кажется самъ Поэшъ желаль сообразовашься съ правдоподобіемъ. Онъ между необыкновенными героями своей Поэмы помѣспиль и испорическое лице: Великаго Князя Владиміра — просвѣшшешеля Россіи. Всякой Русской, всякой Христіанинъ при одномъ имени его исполняешся чувствъ благоговѣнія. Впрочемъ хорошо, что онъ показывается только въ первой и послѣдней пѣсняхъ Поэмы. Въ началѣ онъ пируешъ, попомъ узнавъ о похищеніи Людмилы, разпаляешся гнѣвомъ и вопрошаешъ съ ужаснымъ пламеннымъ че-

домъ сжалишься надъ спарикомъ, а въ концѣ при немъ Кіевъ осажденный Печенегами, и онъ одинъ оставшись близъ дочери своей, молился и наконецъ, послѣ оживленія ее, опять пируетъ, Ходъ Поэмы Русланъ довольно хорошъ. Одно лишь — Поэтъ очень часто любитъ говорить о себѣ и обращается то къ красавицамъ, то наславникамъ, то аршишамъ и проч. — вопль что замедляетъ и останавливаетъ шествіе его дѣйствія и препятствуетъ единству. Я желалъ бы бытъ очарованъ, забылся—и въ то же время Поэтъ останавливаетъ мои восторги, и—въмѣсто древности я узнаю, что живу въ новѣйшія времена: несообразность дѣлается видимою и сверхъ того это развлекаетъ вниманіе, уменьшаетъ цѣну предметовъ.

Почитаю излишнимъ входить въ подробности и замѣчать несвойственность выраженій и проч., и шѣмъ болѣе, что стихи въ Поэмѣ вообще хороши, хотя между ими часто встрѣчающіяся слабыя и прозаическія, каковы напр.:

Въ душѣ несчастныя таятъ *Стр.* 10.

Любви и ненависти ядъ *Стр.* 11.

Знай нашихъ! *молвилъ онъ жестоко — Стр. 105*

Но наконецъ — дождался дня,

Давно предвидѣннаго мною *Стр. 18.*

Ошпельникъ мирный и безвѣспный. *Стр. 117.*

Однако жить еще возможно. *Стр. 13.*

Въ чешверо выходяшь вмѣспѣ — *Стр. 15.*

Мысль о поперянной невѣспѣ —

И каждый конь не чуя спали

По волѣ пушь избралъ себѣ. *Стр. 17.*

Во мракъ спарой жизни вяну (*непонятно!*) *Стр. 18.*

Супругу только спорожилъ. *Стр. 110.*

Нась увѣрнеть смѣло въ помѣ —

Русланъ насъ должень занимашь — *Стр. 91.*

Русланъ на лугъ жену слагаешь *Стр. 114.*

Душевные движенья кроя — *Стр. 121*

Влача въ душѣ печали бремя —

Едва дышу; нѣспъ мочи болѣ; — *Стр. 104.*

Сошлись — и *заварилъ бой* — *Стр. 137.*

и проч. и проч.

Мнѣ оспаешся шеперь сказашь полько
о цѣли Поэмы. Авторъ говоришь о ней въ
своемъ предисловіи:

„Ни чьихъ не требуя похваль,

Счастливь ужъ я надеждой сладкой,

Что дѣва съ препеномъ любви

Посмотришь можешь бышь, украдкой

На пѣсни грѣшныя мои.,,

Нравишься прекраснымъ — цѣль хорошая и
довольно прудная. Онѣ одарены шонкимъ

вкусомъ. Самые ихъ капризы и вѣтреность пошавляютъ преграду въ шомъ, чѣмъ поспоянно имъ нравиться. Но чѣмъ возвышаетъ ихъ въ собственномъ мнѣніи? Чѣмъ придаетъ неизмѣняемую прелесть ихъ красотѣ? Это невинность и скромность. Чистота нравовъ, нѣжность, чувствительность—вошъ чѣмъ преимущественно обладаютъ красавицы. Если онѣ любятъ, то въ обожаемомъ предметѣ видятъ болѣе нежели челоука. Чувство высокой, нѣжной, истинной любви споль тѣсно соединено съ добродѣтелью, что прекрасная переспаетъ любить, когда переспаетъ бытъ добродѣтельною. Искусство, которое желаетъ нравиться прекраснымъ, должно развивать одни благородныя чувствованія, и болѣе всего не оскорблять ихъ спыдливости. Авторъ Руслана могъ бы нравиться нѣжностію. Онъ весьма искусенъ въ описаніи разнообразныхъ каршинъ. Весьма жаль, что онъ слишкомъ увлекся воображеніемъ: волшебство его болѣе способно пугать. Нынѣ и дѣши малочитаютъ Персидскія и Арабскія сказки, ибо не вѣрятъ уже коврамъ-самолетамъ, а въ Русланѣ чудеса сполькоже невѣроятны. Но еще болѣе

надобно сожалѣть, что онъ представляеть часто такія картины, при которыхъ невозможно не краснѣть и не пошунлять взоровъ. Прекраснымъ ли читаешь такія описанія и сравненія, каковы на примѣръ:

„Съ порога хижины моей

Такъ видѣлъ я, средь лѣпныхъ дней,

Когда за курицей шусливой

Султанъ курятника сиѣсивой,

Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ

И сладострастными крылами

Уже подругу обнималъ.“

и проч. .

Или: „Вы знаете, что наша дѣва

Была одѣта въ эту ночь

По обстоятельству, точь въ точь

Какъ наша прабабушка Ева.

Нарядъ невинный и просной!

Нарядъ Амура и Природы!

Какъ жаль, что вышель онъ изъ моды!

Или: „А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ

Какая шапка не пристанеть!

Рядисься никогда не лѣнь:

Людмила шапкой завершѣла;

На брови; прямо; на бекрень

И задомъ на передъ надѣла.,,

(Чудесно!)

Или: „Что будетъ съ бѣдною Княжвой?

О страшный видъ! Волшебникъ хилый

Ласкаетъ сморщенной рукой
 Младья прелести Людмилы;
 Къ ея плѣнишельнымъ устами
 Прильнувь увядшими устами,
 Онъ, вопреки своимъ годамъ,
 Ужь мыслишь хладными трудами
 Сорвать сей нѣжный, тайный цвѣтъ,
 Хранимый Лелемъ для другаго
 Уже

Въ началѣ пятой пѣсни слѣдуетъ сравненіе Княжны съ Дельфиною:

Скажите: можно ли сравнить
 Ее съ Дельфиною суровой?
 Одной—судьба послала даръ
 Обворожанъ сердца и взоры;
 Ея улыбка, разговоры
 Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А та — подъ юнкою Гусаръ,
 Лишь дайте ей усы да шпоры!

Тогда какъ во Франціи, въ концѣ минувшаго столѣтія, стали въ великомъ множествѣ появляться подобныя сему произведенія, произошелъ не только упадокъ Словесности, но и самой нравственности. —

Пожелаемъ успѣха нашей Литтературѣ, и чтобъ Писатели и Поэты избирали предметы достойные своихъ дарованій. Цѣль Поэзіи есть возвышеніе нашего духа—чистое удовольствіе.

віе. Карпины же сладострастія плѣняють
только грубыя чувства. Они недоспойны
языка боговъ. Онъ долженъ возвѣщать намъ о
подвигахъ добродѣтели, возбуждать любовь
къ опечесиву, геройство въ несчастіяхъ,
плѣнять описаніемъ невинныхъ забавъ. Пред-
мельъ Поэзіи — изящное. Изображая толь-
ко оное, талантъ заслуживаетъ дань спра-
ведливой похвалы и удивленія.—

VI. С М Ъ С Ъ.

А) НѢЧТО ОБЪ АДАМЪ СМИТЪ И ЕГО ТВОРЕНІЯХЪ.

Адамъ Смитъ родился 5 Іюня 1723 года въ Шотландскомъ городѣ Киркельди, гдѣ отецъ его былъ Коннролеромъ при таможенныхъ сборахъ. Онъ обучался въ Глазговскомъ и Оксфордскомъ Университетахъ, и хотѣлъ было сначала посвящать себя Богословію; но страсть къ Философіи и познанію челоуѣка побудила его основать себѣ поприще. Въ 1748 году онъ получилъ кафедру въ Эдinburghѣ, и читалъ тамъ лекціи о Риторикѣ и Изящной Словесности. Въ 1751 году сдѣланъ Профессоромъ Логики и нравственныхъ Наукъ при Глазговскомъ Университетѣ. Это мѣсто онъ занималъ тринадцать лѣтъ съ отличною похвалою. Онъ самъ считалъ сей періодъ своей жизни счастливѣйшимъ и всегда воспоминалъ о немъ съ удовольствіемъ. Будучи Академическимъ учителемъ, Смитъ обнаружилъ свои дарованія во всемъ блескѣ. Онъ предлагалъ лекціи не по тетради, но свободно, въ выраженіяхъ, какія представлялись ему въ ту минушу. Наружность его была хотя непривлекательна, но проста и непринужденна. Слава его въ скоромъ времени распространилась до того, что изъ всѣхъ сторонъ Великобританіи

ніи ученики стекались въ Глазговъ—слушать Смита. Въ 1759 году онъ издалъ свое сочиненіе: *Theory of moral sentiments* (Теорія нравственныхъ чувствованій), которое возбудило большае вниманіе. Въ 1764 и 1765 годахъ сопровождалъ Герцога Букклевскаго въ путешествіи по Франціи и Италіи, гдѣ чрезъ Юмовы рекомендабельныя письма снискалъ личное знакомство съ славнѣйшими Французскими Учеными, д'Аламберпомъ, Гельвеціемъ Неккеромъ, Тюрго и другими. По возвращеніи въ Великобританію, онъ прожилъ десять лѣтъ въ опечесивенномъ городѣ безъ должности, занимаясь единственно Науками. Наконецъ въ 1776 году появился доспойный плодъ сего долговременнаго уединенія и неупомимаго труда. Я разумью безсмертное твореніе подъ названіемъ: *Nature and causes of the wealth of nations*, *Исслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ*—которое прославило Адама Смита во всемъ просвѣщенномъ свѣтѣ. Главная цѣль сего творенія есть та, чпобъ показати, какимъ образомъ Природа посредствомъ коренныхъ наклонностей человѣческаго духа и внѣшняго положенія, въ каковое она поспавляетъ людей, пеклась о постепенномъ размноженіи богатства народовъ,— и вмѣстѣ доказати, что самое дѣйствительное, или лучше, единственное средство сдѣлать народъ великимъ, цвѣтущимъ и богатымъ состоитъ въ томъ, чпобъ слѣдовать Природѣ въ ея учрежденіяхъ, позволяя каждому человѣку, пока онъ слѣдуетъ вѣчнымъ правиламъ непремѣняемой справедливости, доставляти себѣ выгоды на каждомъ пупи, и какъ свой трудъ, такъ и свое имущество свободно и безъ препятствія

мѣнять на трудъ и имущество своихъ согражданъ. Смитъ на каждой страницѣ своего превосходнаго творенія проповѣдуетъ, чѣмъ не было никакихъ запрещеній на привозъ и вывозъ, никакихъ цеховъ, премій, ни поощреній одного рода фабрикъ и ихъ основателей, никакихъ таксъ, монополій, и пр. Болѣе всего онъ желаетъ, чѣмъ Правительствва были справедливы, и вычисляя истинныя причины, на коихъ основано благосостояніе Великобританіи, онъ первого поставляетъ: „по чисное и безпристрастное исполненіе правосудія, которое самаго сильнаго въ землѣ принуждаетъ почитать за святое право самаго низкаго,—которое каждому обезпечиваетъ плоды его труда, и чрезъ то становится сильнѣйшимъ поощреніемъ для каждаго рода промышленности.“ Изъ сего видно, что результаты оной системы въ главномъ согласуются съ системою (Физиократовъ; только дорога, по которой Кене и Смитъ дошли до сего результата, совсѣмъ различна. Первый признаетъ за народное богатство нѣдра и поверхность земли, а чисный доходъ съ оной за народное приобрѣтеніе, и слѣдовательно только на послѣднее полагаетъ пошлину, между тѣмъ какъ все прочее, что гражданами производится и приобрѣтается, по его мнѣнію, ничто и только кажущаяся бытъ производимы и приобрѣтаемы: напрошивъ Смитъ принимаетъ при рода производителей въ Государствѣ, именно: 1) такихъ, которые сами пользуются природными произведеніями, 2) такихъ, которые живутъ процентами съ ихъ капитала, и 3) которые живутъ платою за свои труды, оказываемые другимъ лицамъ. Сей послѣдній

классъ онъ опять раздѣляетъ на *производящихъ* работниковъ и *непроизводящихъ*. Первые суть шѣ, копорые за плату отдають вещь большей цѣны; послѣдніе же шѣ, копорые не дѣлають сего. Такимъ образомъ Смитъ предлагаетъ совсѣмъ другую систему налоговъ, нежели Физіократы. Онъ признаетъ ремесленника, мануфактуриса и купца за дѣйствительныхъ производителей, и обработываніе или прудъ посматриваетъ главнымъ поощреніемъ народнаго дохода. Въ какой степени Смитовы правила принадлежатъ ему какъ изобрѣшенію, Біографъ его Сневаршъ оставляетъ нерѣшеннымъ. Но конечно, продолжаетъ онъ, самыя шѣ, копорые болѣе всѣхъ удивляются Физіократамъ; согласаясь, что изъ многочисленныхъ исполкователей ихъ системы ни одинъ не можетъ даже издали ровняться со Смитомъ въ точности и ясности понятій и въ систематическомъ порядкѣ, въ которомъ онъ производитъ свои правила изъ первыхъ начальныхъ понятій. Тюрго и Кене были лично знакомы со Смитомъ во время его пребыванія во Франціи. Съ первымъ, говорятъ, онъ велъ переписку; послѣднему же — котораго описываетъ какъ человека съ самыми прекрасными нравами и образцовою скромностію, и о системѣ коего думалъ, что она, не смотря на свои недостатки, ближе всѣхъ прочихъ подходитъ къ истинѣ, — посвятилъ бы свое швореніе, еслибъ Кене не умеръ до того времени. Въроятно обращеніемъ съ сими учеными мужами онъ побужденъ былъ къ сему шворенію. Впрочемъ идеи къ оному онъ изложилъ еще въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Глазгоу, и въ одномъ своемъ очеркѣ, напе-

напанномъ въ 1755 году. Читая Смитово твореніе, — говоришь Сэй, (*) — видишь; что до Смита не было еще народной экономіи. Не отрицую, что Физіократы и его личное знакомство съ ними принесли ему значительную пользу. Но между ученіемъ Физіократовъ и Смита такое же различіе, какое между системою Тихо-Браге и Невтоновою Физикою. Хотя до Смита часто обнаруживали весьма справедливыя и почныя правила; но онъ первый представилъ ихъ во взаимной связи и въ соединеніи съ природою вещей. Извѣстно, что истина не тому принадлежитъ, кто первый сказалъ ее, но тому, кто первый доказалъ ее. Онъ не только предлагаетъ истину, но и научаешь настоящей методъ — легко открывать заблужденія. Ни одного мѣста, ни одного предложенія не позволяешь онъ себѣ, которое бы не было сообразно съ постоянными опытами. Твореніе его есть рядъ доказательствъ, которыя многія мѣста содѣлываютъ неопровергаемыми правилами, и еще гораздо большее число другихъ низринули въ море забвенія, гдѣ системы, шанскія идеи и химеры на минушу съ великимъ шумомъ кружатся на поверхности, а потомъ навсегда поглощаются бездною.“ —

Последній періодъ своей жизни Смитъ провелъ въ Эдinburghѣ, ибо два года спустя, какъ появилось его твореніе, онъ получилъ мѣсто Королевскаго Коммиссара для таможенъ, въ Шотландіи. Здѣсь онъ жилъ въ изобиліи и спокойствіи, и только смернъ манеры и двоюродной се-

(*) Въ своемъ *Traité d'économie politique*, книгѣ, которая можетъ служить предварительнымъ курсомъ къ Смитовой системѣ.

спры опечалили конецъ его жизни. Онъ умеръ въ 1790 году. —

Смитъ пережилъ изданіе своего шворенія 15 годами; однако въ это коропкое время онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что проииворѣчія, копорья сначала появились проиивъ его шворенія, мало по малу начинали исчезать, и что его швореніе имѣло практическую пользу для нѣкопорыхъ отраслей Коммерческой Полиціи его опечества. Но хотя всѣ любители Государственнаго Хозяйства прославляютъ Смита, хотя его правила и изрѣченія часто приводятся въ Бришанскомъ Парламентѣ, однако многато не доспаетъ еще, чтобы вездѣ послѣдовали его предложеніямъ и предоспавили бы народу самому полную волю умножать свое имущество. Ни одно Правительство, даже самое Англійское, не могло удостовѣриться практически въ справедливости сей человеклоубивой, космополишической системы.

Понимство благословишь память Адама Смита и будетъ вѣчно удивляться ему, какъ одному изъ величайшихъ умовъ, изъ величайшихъ практическихъ Философовъ, благодѣтелю человеклоубаго рода.—Счастлива будетъ страна, копорая приведетъ въ исполненіе его правила, копорая прежде всего пойметъ легкое ученіе: что „торговля есть ничто иное, какъ мѣна, при копорой обѣ торгующія стороны приобрѣщаютъ.“

Б) М у з ы к а.

*Отрывокъ изъ музыкальнаго путешествія по
Италіи.*

Неаполь. Здѣсь давалась недавно новая Орапорія: *Ciro in Babilonia*, сочин. молодаго Раймонди. Касательно сего сочиненія Неаполишанскія газеты опносятся не съ большею похвалою; хотя Раймонди сдѣлался извѣстнымъ по своимъ балетнымъ композиціямъ и церковнымъ панихидамъ, но со всѣмъ шѣмъ Орапорія его, *Киръ съ Вавилонъ*, есть чудовищное произведеніе и не можетъ принести композитеру ни похвалы, ни чести. — Поспараемся изложитъ опличныя ея признаки: — Орапорія безъ увертюры — худое начало! Первый дуэтъ хотя слишкомъ распянутъ; однакожь имѣетъ нѣсколько хорошихъ мѣстъ, — музыка начинается съ самага начала упадать, величественно ея исчезаетъ и наконецъ она превращается въ упомительную монотонію: слышанъ попопъ коней, прескъ колесницъ и оружія, свисты стрѣлъ и прочія странности грозныхъ композитеровъ бапаліи. Орапорія была играна нѣсколько разъ для публики, и всякой день становилась упомительною для нѣжнаго слуха Ипаліянцевъ; наконецъ она скончалась къ общей радости. Пышныя объявленія и наемныя похвалы журналисповъ щцепно спарались воскреситъ эту уродливую Орапорію.

Болоньская газета опзывается съ опличной похвалою о извѣстномъ композитерѣ Майерберѣ, который показалъ опличный вкусъ и бле-

спящій паланпъ свой въ *Semiramide* riscopra ciuta. Арписпы, которые содѣйствовали успѣху этой Оперы, были: Г. Басси, Бональди и Г-жа Барруи. — Балетъ *Весталка*, соч. Виганно, почитается масперскимъ произведеніемъ въ композиціи.

Г-жа Пелигрини получила справедливую дань своему таланту: ей дали названіе: *неподражаемая*.

На спектакль *del Fondo* болѣе всѣхъ даются слѣдующія Оперы: *Nina*, *Паззіелло*, *Clemenza di Tito*, *Моцарта*, *Elisabeta*, *Россини* и *Gianni di Parigi* сог, *Морлаки*. — Первыя пѣвицы на ономъ: Г-жа Фабре, пріѣхавшая недавно изъ Палермы, и Камелла, которая занимаетъ роли пажей. — Для Г-жи Фабре, Россини написала новую Оперу, которая вскорѣ будетъ играна такъ же какъ и *Marcandantes*.

Берлинская газета, отъ 16 Августа Н. С. уведомляетъ, что 3 числа того мѣсяца, въ день рожденія Короля, Г. Споншини сдѣлала Берлинцамъ весьма пріятный сюрпризъ Публика, извѣщенная чрезъ афиши о предсавленіи Оперы *Алины*, собралась въ спектакль; поднимающъ занавѣсъ, и зрители съ удивленіемъ увидѣли, вмѣсто обыкновенныхъ декорацій, два хора пѣвчихъ, составленные изъ 170 человекъ по сторонамъ сцены, а въ срединѣ оной, 130 и въ оркестрѣ 85 музыкантовъ. По знаку, данному Г. Споншини, отъ 385 арписповъ раздались звуки національной пѣсни, пронувшей зрителей до того, что они голосъ свой смѣшали съ голосами пѣвчихъ. За сею кантатною играли военный маршъ, въ которомъ заключалась пѣснь: *Боже, храни Царя*. При имени *Царя* энтузіазмъ слушателей вышелъ

изъ предѣловъ. Вечеръ сей былъ новымъ пріумфомъ для Г. Споншини. — Рукоплесканія не умолкали.

Пѣвица, Г-жа Эйнике, занимала роль Алины и играла ее превосходно. При всемъ томъ Берлонцы ушверждаютъ, что она не можетъ сравниться съ умершею Нѣмецкою пѣвицею Бешманъ, которая была фениксомъ на Берлинскомъ театрѣ. Послѣ играннаго марша — Споншини, Г-жа Шшихъ на сценѣ говорила поржесшвенную рѣчь. Что касается до знаменитаго марша, онъ идетъ въ $\frac{3}{8}$ такта и прерывается часно какимъ-то военнымъ вальсомъ; — сильный шумъ, происходящій отъ множества промбонувъ и трубъ, не очень нравился любителямъ и знатокамъ въ музыкѣ. Эшотъ маршъ не имѣетъ ни какого сравненія — съ прочими, каковы на примѣръ: въ Весталкѣ и Корпецѣ, въ которыхъ Споншини показала блистательные свои таланшы.

В) Живопись.

Парижъ. Ружетъ окончилъ картину, представляющую Св. Людовика. Она назначена для пронной залы Тюльерійскаго дворца.

Урбанъ Массаръ гравируетъ эстампъ съ большой картины: *Сибинянки* — знаменитаго живописца Давида.

Въ поржесшвенномъ засѣданіи Парижскаго Аѳиней Искусствъ назначена золотая медаль въ 30. фр. въ награду тому, кто рѣшитъ слѣдующую задчу: *Какое вліяніе имѣютъ изящныя искусства на усовершенствованіе и распространеніе народной промышленности.*

Герцогиня Берри, посѣпивъ извѣстнаго художника Жиродета, предложила ему нарисовать для нее какую нибудь историческую программу; выборъ предмета предоставила на волю художника.— Жиродетъ взялъ его изъ *Виргилія*; картина представляетъ ту мину, когда Эней находить пѣнь отца своего въ Элизіумѣ, и щещно жалеетъ ее обнявъ.

Ter conitus ibi collo dare brachia circum
Ter frustra comprehensa manus effugit immago
Par levibus ventis, volucrique simillima somno

АЕН. 1, VI. V, 700.

Жиродетъ поднесъ рисунокъ Герцогинѣ и получилъ отъ нее лестное одобреніе, какъ за выборъ предмета, такъ и за прекрасную оштѣлку рисунка.

Лондонъ. Извѣстный живописецъ Изабей выставилъ въ Паль-Маллѣ свои работы, копорыхъ считалось до 140 въ различныхъ родахъ: ландшафты, фасады, миніашюры и проч. Англійскіе Журналы описываются съ великою похвалою о плодовитости сего художника въ изобрѣшеніяхъ.—Предметы, на копорые обратила особенное вниманіе публика, суть слѣдующіе: Вѣнскій Конгрессъ, лестница Парижскаго Музеума, парадъ, лодка Изабеева, портреты: Англійскаго Короля, Союзныхъ Монарховъ и Министра, Г. Сшаэль и видъ долины Монморанси.

Г) О ДРЕВНИХЪ ФЛОРЕНТИНСКИХЪ ХУДОЖНИКАХЪ.

Профессоръ Королевской Академіи Художествъ въ Берлинѣ, Г. Кубейль, издалъ 4 тетради in

folio: Studien nach alten Florentinischen Malern (изученіе живописи по старымъ Флорентинскимъ Художникамъ.) Одна изъ нихъ содержишь портретъ Гіотта (Giotto), стариннаго художника, 10 рисунковъ, снятыхъ съ его картинъ al fresco и перспективу церкви и монастыря въ Ассиси. Въ другой тетради такъ же портретъ живописца Тайдесъ Гаддуса и 15 рисунковъ для изученія работъ его. Трудолюбивый Профессоръ Кубейль говоритъ слѣдующее въ предисловіи къ сему сочиненію: „Я хотѣлъ сохранить нѣсколько памятниковъ вѣковъ прошедшихъ, дать понятіе внѣ Италіи моимъ соотечественникамъ о достоинствѣ сихъ Флорентинскихъ художниковъ и по крайней мѣрѣ съ уцѣлѣвшихъ остатковъ кисти ихъ сдѣлать вѣрныя копіи.— Многія произведенія ихъ исчезли; желѣзная рука времени хочеть изгладить и послѣдніе слѣды живописи древнихъ художниковъ Флоренціи. Къ тому можно причислить на примѣръ: большую часть картинъ *Масаккио*, копорыя находящяся въ часовнѣ Св. Клеменція въ Римѣ. Онѣ отъ сырости такъ испортились, что едва можно замѣнить на нихъ слѣды красокъ; такой же участи подвергнулись работы Гіотта и Гіоттина, картины, копорыя находились въ верхней церкви Св. Франциска въ Ассиси, такъ же и произведенія кисти живописца Пиниуриха, въ церкви Santa Maria degli Angeli. — Изученіе сихъ оригиналовъ конечно принесеть большую пользу художникамъ: много можемъ мы перенять въ прошломъ и выразительномъ изображеніи характеровъ, положеніи фигуръ, ихъ благородныхъ одеждъ, копорыя отличаются широкими складками: общій вкусъ ихъ сполннѣя.—

Въ сихъ картинахъ видно короткое знакомство Флорентинскихъ художниковъ съ классическими произведеніями древности. Это ихъ преимущество.—Кто же захочетъ искашь въ нихъ прекрасной композиціи и колорита, тотъ ошибется въ своемъ ожиданіи.

Въ первой пещради, между прочими рисунками, копии съ мелкихъ картинъ Гіюшши, копорыя посланы въ придѣлъ церкви Св. Кроса во Флоренціи.—Они писаны большею частію водяными красками на шкафахъ ризницы помянутой церкви, и представляютъ разныя происшествія изъ жизни Иисуса Христа и Св. Франциска.—Во второй пещради представлены произведенія Таддео Гадди; они писаны *al fresco* въ Испанской капеллѣ *Santi Marta Novella*, копорую росписывалъ Гадди вмѣстѣ съ извѣстнымъ такъже живописцемъ Самономъ Меми.—Кисть Таддео смѣла, выраженіе лицъ его сильнѣе, колоритъ свѣжѣе и натуральнѣе, чѣмъ у Гіюшши; но фигуры вообще колоссальны и не имѣютъ вѣрной саразмѣрности въ частяхъ. — Таддео такъже былъ и Архитекторъ; онъ построилъ колокольню при церкви *Santa Maria del Fiore*, по рисунку Гіюшши, два моста *Ponte Vecchio* и *Ponte Trinita* и нѣкопорыя другія зданія.

Д) ОБЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРАХЪ.

Дѣвица Дерюде вступила на второй Французской пещрѣ и буденъ занимать роли трагическихъ героинь.

Le Buffon dans l'embarras—новая комедія,—она недавно было представлена на пещрѣ *Variétés*. Два Авшора сей пѣсы извѣсны въ пу-

блнкъ многими сочиненіями бульварной Музы. Афиши театра Porte Saint Martin извѣщаютъ о представленіи въ скоромъ времени новой піэсы: *Любовникъ лунатикъ или тайна* (L'Amant-somnabule ou le mystère). Парижане ожидаютъ съ нешерпѣніемъ эту піэсу потому, что теперь въ большой славѣ въ публикѣ всѣ лунапики и мершвцы.

Театръ Feydeau будетъ украшенъ вскорѣ новой Оперой: Дѣва Орлеанская, музыка Карафа. Эта Опера взята изъ Поэмы Талона.—Трудное предпріятіе! Поэма находится въ рукахъ просвѣщенной публики; — опасаются, чтобы Авторъ и Компонистъ сей піэсы — не освисшаны были при первомъ представленіи.

Наконецъ судьба Оперы рѣшена. Для нее выстроится великолѣпный театръ на площади, что предъ дворцемъ Монморанси. Театръ сей назначено окончить въ три мѣсяца; въ продолженіе постройки онаго, Оперы будутъ даваться въ залѣ, выстроенной на время. Римляне требовали *хлѣба и зрѣлищъ*; а большая часть Парижанъ требуютъ *Оперы*, чтобы имѣть *хлѣбъ*. Сколько иностранцевъ привлекаетъ въ Парижъ Опера!

Новый балетъ—*Клари, или обращеніе къ добродѣтели* (Clari ou le retour à la Vertu). Ни одинъ балетъ не былъ добродѣшельнѣе сего, и паншомины въ немъ самыя нравственныя! и *La mère en prescrira vingt représentations à sa fille*. Всѣ дѣйствующія лица безпрестанно молятся.— Если правда, что набожность слѣдуетъ за развратомъ, то не должно ли опасаться, чтобы во Франціи фанатизмъ не возродился изъ развалинъ Оперы? ?

Недавно прїѣхавшіе въ Версалію Актеры играли на театрѣ одну давно извѣстную публикѣ Трагедію.—Артісты не успѣли затвердить хорошо ролей своихъ и ошибались при каждомъ стихѣ; всѣ спаранія суфлѣра были щещны; публика, замѣтивъ такую неисправность, общими силами начала подсказывать актерамъ и—Трагедія превратилась въ самую забавную Комедію!!

Вѣна. Новый балетъ; *Элизина Принцесса Булгарская*, не смотря на прекрасныя декорации, костюмы и музыку соч. Гершельпа, былъ холодно принятъ Вѣнскими любителями театра. Балетмейстеръ хотѣлъ подражать извѣстной драмѣ: *Лѣсъ въ Герлштадтѣ*, которая считается любимой пїесой Вѣнской публики—но ошибся въ расчетѣ—сильныхъ монологовъ, оспоропы и плавности языка нельзя было перенести въ балетъ—а эпію и составляло достоинство помянутой драмы.—

Сраженіе при Кордовѣ, соч. Машурини, новая романтическая Трагедія, передѣланная Глазеромъ, такъ же не понравилась зрителямъ, не смотря на многія красоты свои и превосходную игру Г. Рюгера.—Г. Райнольдъ, панцмейстеръ въ панцирѣ, соч. для своего дебюта балетъ—*Крылатый Гипогрифъ*; но какъ эпіо живописное не всякому позволяеть на себѣ ѣздить—и было очень упрямо подъ Г. Райнольдомъ, то и сбросило его безъ всякой пощады въ бездну забвенія.

Е) НОВЫЙ ГЕРЛИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Сей недавно выстроенный театр сооруженъ по плану Шинкельса; — главная фасада сширишь на площади прошиву дому *Seehandlungs-Geäude*. Перистиль, состоящій изъ 6 Ионическихъ колоннъ, имѣеть основаніемъ своимъ 27 ступеней, соспавляющихъ широкую лѣстницу театра. На фронзонъ, который поддерживается семи колоннами, изображенъ превосходный барельефъ: Исторія Ніобы. Средина зданія, которая цѣлымъ эпажемъ возвышается надъ своими флигелями, вмѣсто купола украшена такъже богатымъ фронтономъ. На немъ предсавленъ Эросъ, сидящій на пронѣ; по споронамъ около его изображены двѣ Психеи. Одна изъ нихъ, стоя на колѣняхъ украшаетъ вѣнкомъ комическую маску и кладетъ возлѣ нее страннической посохъ; другая такъже держитъ вѣнокъ надъ прагической маской, подлѣ которой лежитъ Геркулесова булава—на одной споронѣ изображены лебеди, а на другой змѣй—символь Драматургіи. Оба барельефа работаны по модели Г. Тика. На самой же вершинѣ зданія изображенъ бронзовой Аполлонъ въ колесницѣ, запряженной двумя крылатыми Грифами, работы Г. Рауха. — Вокругъ на флигеляхъ зданія и на главномъ фасадѣ поспавлены девашъ Музъ, такъ же по моделямъ Тика. Все зданіе содержитъ въ себѣ 245 фузовъ длины, въ глубину 115 фузовъ. Вышина перистиля съ лѣстницей 52 фуза. Вся же высота зданія опъ фундамента до Аполлона 120 фузовъ, который одинъ содержитъ въ себѣ 18 фузовъ.

Фердинандъ Кортесъ, большая Опера, принесла въ Берлинѣ великую славу Г. Споннини, главному Директору музыки въ сей столицѣ; — ее давали нѣсколько разъ, и, не взирая на дурную погоду, театрѣ всегда наполненъ былъ зрителями.

На театрѣ Св. Карла, въ Неаполѣ, болѣе всѣхъ заслужилъ отличную похвалу историческій балетъ Шаокангъ, въ прехъ дѣйствіяхъ, сочин. Генри. Гг. Дюпоръ и Корифеи Французской школы, танцами своими много содѣйствовали славѣ сего балета — это искусство доведено въ Неаполѣ до совершенства.

Ж.) ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

Буря революціи раскидала Французовъ въ разныя страны свѣта. Наступившая тишина, которою мы уже нѣсколько лѣтъ наслаждаемся, призываетъ ихъ въ нѣдра счастливѣйшаго опечесства. Между скми удалившимися гражданами, копорыхъ Франція съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ, достоинъ особеннаго замѣчанія Г. Шеньо; онъ человекъ умный, умѣющій замѣчать и пользоваться своими наблюденіями. Двадцать шесть лѣтъ жилъ Г. Шеньо въ Королевствѣ соединенныхъ Кохинины и Тонкина, коихъ Владѣтель въ награду за его услуги наименовалъ его вѣнокласнымъ Мандариномъ.

Г. Шеньо много способствовалъ хорошему пріему, копорымъ одинъ Французскій корабль, за три года пользовался въ сихъ странахъ. Ко-

роль Франціи, признашельный къ людмъ оказавшимъ услугу его подданнымъ, пожаловаль Г. Шеньо Кавалеромъ Почетнаго Легіона. Вообще съ Французами обходяшя Кохинхинцы весьма ласково.— За нѣсколько лѣтъ и сіе Королевство испытало революцію: явился изъ Тонкина Похитишель престола и хотѣль низвергнуть законнаго Короля; но нѣсколько Французовъ, оставшихся вѣрными правому дѣлу, побѣдили хищника. Благодаря преимуществу, которое имѣють Европейцы въ глазахъ другіихъ народовъ: справедливостъ воспоржествовала и законной Король Кохинхинскій остался на престолѣ.

Подробности, доставляемыя о сей землѣ Г. Шеньо, весьма любопытны и большая часть ихъ неизвѣстна нашимъ Географамъ. Народонаселеніе Кохинхины и Тонкина вмѣстѣ простирается до двадцати двухъ милліоновъ; климатъ умеренный, жарче чѣмъ во Франціи; но не такъ зноенъ какъ на островѣ Бурбонѣ. Земля плодородна и съѣстные припасы дешевы: живность по три су шпика; за 1 франкъ двадцать пять сантимовъ можно имѣть у Вери Фай-гу прекраснѣйшій обѣдъ.— Власть Короля неограниченна, но крошечна. Безъ утвержденія его ни одинъ смертный приговоръ не можетъ бытъ исполненъ. Однакожь въ законахъ Кохинхинцевъ видны нѣкоторыя черты Азіатской суровости: если изъ тюрьмы уйдетъ преступникъ, то казнь, которой онъ подвергался, исполняется надъ его спражками; но когда у шюрешника уйдуть вдругъ два арестанта, приговоренные къ смерти, въ такомъ случаѣ что предписываютъ ихъ постановленія— не знаю. Флотъ сего Государства въ цвѣтущемъ состояніи:

артиллерія многочисленна и есть искусные Артиллеристы. Доходы, собираемые Министрами, пекущимися о благосостояніи своего отечества, съ каждымъ годомъ умножаютъ Королевскую казну, не обременяя народа. Законы временные. Кажется для удовольствія Кохинцивъ ничего недоспаетъ, развѣ только театра.

3) РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстный Писатель Лебрюнь, которъй теперь находится въ Аѣинахъ, посѣщаль шамъ Ареопагъ и поржище, коего все просиранство изсѣчено изъ одной горы. Надобно имѣть особенное позволеніе правительствва, чинобъ посѣпшиъ Аѣинскую ципадель; она занята Турками. Живописцу Прево запрещено продолжатъ работу. Онъ занимался снятіемъ панорамы съ города Аѣинъ и его окрестностей.

Мулей Измаиль, Императоръ Марокскій, въ продолженіи своего царствованія собственною рукою казнилъ 40,000 своихъ подданныхъ!!

Моды у Французовъ имѣють часно весьма пышныя названія; на примѣръ: недавно носили шляпы свободы, à l'indépendance или à la Bolívar, цвѣтъ суконъ недавно назывался Couleur de terre du Champ d'Asile."

Королевская яхта, на которой въ 1688 году Вильгельмъ III Король Англійскій переѣхаль изъ Голландіи въ свои владѣнія--находился въ Ньюкастелѣ, гдѣ ее употребляютъ для перевозки угольевъ!!

Однажды спросили мальчика: какой звѣрь, болѣе всего похожъ на волка? „Волчица!“ отвѣ-

чалъ мальчикъ простосердечно!

На бульварѣ Св. Мартина выставлена панорама Парижа, представляющая эпошъ городъ въ помъ состоянїи, въ какомъ онъ былъ предъ симъ за 1000 лѣтъ.

Въ Англїи Хирургїя помоществуесть такъ же и домашнимъ скопамъ. Одинъ пакой хирургъ вылечилъ свинью, которая переломила себѣ ногу—онъ сдѣлалъ почно пакую же деревянную, приспавилъ ее къ больному животному—и свинья по прежнему начала ходипь въ поле!

(*The Times.*)

На мѣстѣ залы Большой Оперы, гдѣ былъ умерщвленъ Принцъ Берри, положено вдѣлать небольшую площадку окруженную богатой рѣшоткой съ 32 колоннами, на копорыхъ будушь стоять вазы убранныя цвѣтами; въ центрѣ сего мѣста, украшеннаго со всѣхъ сторонъ, поставипся фонтанъ, копорый изъ 16 отверстїй будеть бросать воду. На цоколѣ эпой галереи будеть воздвигнута статуя Принца Берри съ приличными барельефами и надписями. Весь эпошъ цвѣтущїй лугъ назовенся садомъ Принца Берри.

Подковы были не извѣстны во времена Грековъ и Римлянъ:—погда лошади носили желѣзные башмаки.

По повелѣнїю Короля Французскаго, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предложилъ въ честь Паскаля, Расина, Монпаня, Лафоншена, Боссюэна и Монпескьё сдѣлать бюсны.

Аннибалъ Каракчіо былъ однажды ограбленъ разбойниками. Онъ пришелъ въ судъ, спалъ жалованься объ эпошъ Правительству, и такъ сходно представилъ физїогномїи разбойниковъ,

что ихъ поспѣхъ узнали — и послали за ними сыщиковъ.

Первому Нѣмецкому Грамматику, Валентину Икельгамеру, употребленіе почки съ запяшою было совершенно не извѣстно.

Баронъ — на Готтескомъ языкѣ значить: дьяволь, на Ломбардскомъ: курьеръ.

VII. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Неаполь, 8 Августа. Корпусъ Офицеровъ, состоящій болѣе нежели изъ 500 человекъ, подавъ просьбу, кою испрашивалъ удаленія отъ главнаго начальства арміею Генерала Пепе. Имъ оповѣщено, что до открытія Парламента не можеть произойти ни какихъ перемѣнъ въ Государствѣ.

Говорять, что Министръ финансовъ находится въ затруднительномъ положеніи, чтобы удовлетворять общесшвеннымъ издержкамъ, и что онъ предложилъ сдѣлать заемъ 2 милліоновъ червонцевъ.

Мадридъ, 14 Августа. Въ слѣдствіе официальной ноты, сообщенной испанскому Посланнику отъ Португальскаго, Правительство приняло всѣ возможные средства, чтобы разсѣять Юншу, называвшуюся Агоспольскою, и препятствовать всякому подобному соединенію Исландцевъ въ Португалліи.

По опредѣленію Кортесовъ открыть заемъ для 200 милліоновъ реаловъ (50 мил. франковъ.)

Фринкфуртъ. Пруссія дѣлаетъ заемъ 35 милліоновъ марокъ, или 140 мил. франковъ.

Въ Мюнхенѣ составляется планъ для займа 15 милліоновъ флориновъ; а въ Виртембергѣ 10 милліоновъ реаловъ. Равнымъ образомъ финансы

Герцогства Дармшпайтскаго и Великаго Герцогства Баденскаго пребудушь такъже сдѣлать заемъ.

Лондонъ, отъ 29 Августа, Н. С. Допросы свидѣтелей прошивъ Королевы продолжаются.

Ошвѣсть Королевы на адресъ жишелей Ворчестера достоинъ замѣчанія: „Производство прошивъ меня въ Палатѣ Лордовъ дѣла споль необыкновенно, что трудно дать ему надлежащее имя: оно не судебное, потому что прошивно всѣмъ судебнымъ обрядамъ; оно не согласно съ Конституціею, конорой противорѣчитъ началамъ; оно не законное, потому что ни одинъ законъ такъ не нападаетъ. Какъ же его называть? оно чудовищное, принявшее видъ законный и вышедшее изъ зеленаго мѣшка, исполненнаго клеветы и неправды.

„Вопъ послѣднія усилія ненависти и злобы прошивъ добродѣтели. Если я успѣю уничтожить ихъ дѣйствія, то послѣ споль несчастныхъ дней, исполненныхъ горестію, надѣюсь получить при концѣ жизни моей спокойствіе.,,
